

Головокружение

Автор:

[Франк Тилье](#)

Головокружение

Франк Тилье

Звезды мирового детектива Семь смертных грехов #1

В новом триллере Франка Тилье «Головокружение» писателю удастся создать леденящую и одновременно удушающую атмосферу захлопнувшейся ловушки. Герой романа альпинист Жонатан Тувье, покоривший главные вершины планеты, проснувшись однажды ночью, вдруг обнаруживает, что прикован к скале в странной пещере, выход из которой завален. Вокруг холод, лед, тьма, рядом его пес и два незнакомца: один, как и Тувье, прикован цепью к скале, другой может передвигаться, но на нем железная маска с кодовым замком, которая взорвется, если он в поисках спасения переступит красную линию. Невольные узники теряются в догадках: каким образом и из-за чего они оказались здесь, кто манипулирует ими? Но главный вопрос звучит так: до какой степени отчаяния и озверения способен дойти человек, чтобы выжить?..

Впервые на русском языке.

Франк Тилье

Головокружение

Посвящается Валери и нашим детям

Здравствуй, тьма, мой старый друг,

Я снова пришел поговорить с тобой.

Саймон и Гарфункель

Мы существуем, только когда нас сфотографируют.

Хорхе Луис Борхес

Frank Thilliez

VERTIGE

Published originally under the title "VERTIGE"

Copyright © 2011, Fleuve Noir, Departement d'Univers Poche

© О. Егорова, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»,
2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Восхождение Франка Тилье к славе началось с «Комнаты мертвых» (2005). Роман мгновенно стал бестселлером, завоевал читательскую премию «Набережная детектива» (2006), премию за лучший французский детектив компании «SNCF» (2007), по нему снят фильм с Мелани Лоран, Эриком Каравака, Жилем Лелушем и Жонатаном Заккаи в главных ролях. Триллеры Тилье переведены на десяток языков, за шестизначную сумму куплены американским издательством «Пингвин», ведутся переговоры об их экранизации в Голливуде.

«Головокружение» Тилье – это руководство по выживанию на враждебной территории, рецепт, приправленный соусом глубинных потаенных страхов.

Ночью во время бессонницы я открыл лежавшую на тумбочке книгу незнакомого автора. Это оказался роман Тилье «Головокружение». Что вам сказать?! Заснуть мне так и не удалось. Я не мог остановиться, пока не перевернул последнюю страницу. Ледящий ужас и невероятное удовольствие!

Разгадка кода замка, открывающего путь к жизни героев нового романа Франка Тилье, проста, как детская считалка: ВОР, ЛЖЕЦ, УБИЙЦА. Но пойдешь пойми, кто есть кто, ведь каждый из троих, угодивших в ледяную ловушку, уверен, что ни в чем не виновен.

AMAZON. Отзывы читателей. Случайная подборка

Франк Тилье, как Стивен Кинг и Жан-Кристоф Гранже, обожаемые им авторы, любит помещать своих героев в экстремальные ситуации, которые углубляют проблемы их собственной психики.

Маша Сери. LE MONDE DES LIVRES

В этом завораживающем повествовании обнажена человеческая душа. Читатель захвачен переживаниями героев до такой степени, что ему кажется, что все это происходит наяву с ним самим.

Actualitte, 28.12 2011

1

Безумие не отозвалось бы так гулко. Хорошенько запомните этот металлический звон. Пока он будет звучать у вас в голове, он будет доказывать, что вы не сошли с ума.

Тьма

Тьма повсюду.

Минут десять я пытаюсь пошевелиться, но не могу. Дома я всегда слышал шум машин за окном нашей спальни. А тут – ничего. Ни звука мотора, ни голосов. Хотя нет, откуда-то доносился свист. Ветер... Где-то стонал ветер.

Где я?

Надо постараться восстановить события, включить память. Вчера вечером я сидел в больнице у Франсуазы. Помню, что в палате было очень жарко и я почувствовал себя плохо. Потом... потом я съел какую-то мерзкую бурду и оставался в палате у жены, пока не кончилось время посещения. Когда я вышел, меня подташнивало. Возвращение домой в Аннеси. Поздно. Перед тем как в одиночестве улечься в нашу просторную и теплую кровать, я оторвал листок календаря.

25 февраля 2010 года. Самый разгар зимы.

А проснулся я на чем-то жестком, то ли окоченевший, то ли парализованный.

Шевельнулся большой палец на правой руке. Согнулся, потом разогнулся. Теперь пальцы на ногах. Вроде и связки начали сокращаться одна за другой, и мышцы. Дрогнули веки. На радостях я принялся моргать без остановки. Открыть, закрыть, открыть, закрыть... Похоже, я оживаю. Через пару минут мне, наверное, удастся оторвать от земли свои семьдесят кило и разобраться, что происходит.

Но внезапно я снова замираю от нового звука. От позвякивания, сопровождающего каждое движение моего запястья. Вслепую, преодолевая приступы дурноты, я приподнимаюсь и щупаю.

Правая кисть перехвачена шершавым кольцом.

Как бы нелепо и нереально это ни выглядело, но, похоже, я закован.

Знаешь, мама, я никогда в жизни не видел такого страшного места, как это.[1 - Причиной многих ошибок и искажений являются холод и недостаток кислорода, из-за которых на этой высоте возможности мозга сокращаются на тридцать процентов. (Примеч. авт.)] Представь себе унылое плато, которое все время лупят ледяные ветра, и температура там может понизиться до минус шестидесяти. Оно занимает широкую расщелину между склонами Лхоцзе и Эвереста. Его восточная оконечность нависает на высоте две тысячи метров над спускающимся к Тибету Кангчунгом, а западная на высоте тысяча двести метров переходит в ущелье. Здесь только скалы и льды, даже снега нет, потому что его сдувает ветер. Сейчас ветер бьется в стенку моей палатки. Скоро я погашу фонарик и стану думать о тебе.

Видишь, свобода существует на свете. Она кажется нам недостижимой, и именно это делает ее такой драгоценной. А я сейчас вдыхаю ее полной грудью. Завтра выходим на вершину. У меня с собой вымпел.

Во всяком случае, если на нашей старушке Земле и есть место менее гостеприимное, чем это, я надеюсь туда никогда не попасть.

Письмо Жонатана Тувье к матери от 13 мая 1986 года. Четвертый лагерь на высоте 7925, южная стена Эвереста

Каска... Шланг... Баллон...

Большой палец скользнул по колесу зажигалки, и вот уже желтый язычок пламени заплясал перед металлическим рожком. Тихое шипение - и газ загорелся. Пламя разрослось и пожелтело.

Вот и свет.

У меня на голове каска, и от встроенного в нее отражателя к стенке красной палатки тянется золотистый конус. Во рту мерзко, язык не шевелится. Наверное, прежде, чем привезти сюда и приковать, меня накачали какой-то дрянью. Пока я спал, мне на голову надели налобный фонарь с рефлектором, каким пользуются

спелеологи. Рядом лежал баллончик с ацетиленом, соединенный шлангом с каской. На мне была шерстяная рубаша в клетку, штаны на теплой подкладке, пуловер, пуховик, толстые зеленые носки и походные ботинки. Не в силах поверить во все это, щиплю себя. Позвякивание цепи напоминает мне, насколько все реально.

Среди всякой всячины, разбросанной в полном беспорядке по моему полотняному узилищу, я обнаружил две пары старых нейлоновых рукавиц, два потрепанных спальника, два махровых полотенца – то ли белых, то ли желтых, при искусственном освещении не разберешь, – и металлический ящик с висячим замком, который открывался комбинацией из шести цифр. Тут сработал рефлекс бывалого бойца, и я попытался найти воду или еду, но безуспешно. Тогда глаза мои снова уставились на спальники. Почему их два? И почему две пары рукавиц?

– Франсуаза! Клэр!

Да нет, нет. Моя дочь Клэр где-то в Турции, на практике от школы макияжа и спецэффектов. Франсуаза лежит в больнице. Пока мысли о них проносились в моей голове, снаружи на мое временное пристанище начало что-то медленно капать. Похоже, дождь.

Я подышал в ладони, стараясь их согреть, и с ужасом заметил, что исчезло серебряное обручальное кольцо. Глаза мои заметались по синему коремату[2 - Корематом туристы и альпинисты называют коврик из пенополиуретана, который подкладывают под спальный мешок. Есть еще название: пенка или пеночка. (Здесь и далее примеч. перев.)] на дне палатки. Кольцо вот уже восемнадцать лет не покидало пальца даже в самые трудные моменты, и проще было отрезать мне руку, чем отнять его. А сейчас кто-то осмелился украсть у меня кольцо? По какому праву?

На правой руке болталась цепь из массивных звеньев, запястье охватывал железный браслет с огромным замком. Я ухватился за замок и дернул изо всех сил. Никакого эффекта. Постепенно мое пятидесятилетнее тело вновь обретало чувствительность. Снизу, под плотной пенкой, угадывалась неровная и жесткая поверхность. Сзади, в углу палатки, стоял проигрыватель с двумя пластинками. На сорок пять оборотов, насколько я заметил.

Я с трудом поднялся на четвереньки, все тело болело. Фонарь у меня на каске освещал только то место, куда я поворачивал голову. Страшный сон продолжался. Названия на конвертах пластинок: «Птицы вашего сада. 24 записи» и «Wonderful World» Луи Армстронга.

Я ничего не понимал. Что до проигрывателя, то это был, скорее, электрофон, из тех, на котором в детстве я слушал сказки Перро и братьев Гримм. Рядом лежал ушной[З - Ушные термометры удобны, чтобы измерять температуру, не расстегивая и не снимая одежды - например, на высоте, на холоде. Они маленькие и умещаются в небольшой карман.] термометр и старый поляроид. Пять кадров из шести были уже использованы, оставалось только щелкнуть последний. Ерунда какая-то, бессмыслица. Все эти предметы не вязались друг с другом, и цепь у меня на руке с ними не вязалась, да и вся ситуация сама по себе ни с чем не вязалась.

Стало так холодно, что пришлось сунуть руки в серые рукавицы. Я встал на ноги - в этом кошмаре вскочишь, - поднял ацетиленовый баллон и застегнул молнию. Резкий металлический звук всколыхнул множество воспоминаний. Проснуться дикарем, под случайным кровом... Головокружение от неизвестности... Высоко в горах... Все это было так давно.

Я выбрался из палатки в ожидании, что увижу какое-то новое место, совсем чужое, но живое. Но снаружи вообще ничего не было. Ни границ, ни оттенков, ни переднего плана, ни заднего. Одна тьма. Единственным источником света был мой налобник. В голове у меня сразу возник образ погруженного в океанскую пучину батискафа, с его слабыми желтыми огнями. Я огляделся, но не увидел ничего, кроме скалы, палатки со старыми креплениями и какого-то темного пятна между камнями.

Я осторожно двинулся с места. Темное пятно обрело резкость. С того места, где оно находилось, ритмично поднимались облачка пара.

Оно было живое.

Человеческий организм на шестьдесят-семьдесят процентов состоит из воды. При ежедневном рационе в 3500 калорий необходимо выпивать 3,5 литра воды, и только тогда вода составит резерв организма.

Выживание при любых условиях. Книга, написанная Максом Бекон, партнером по восхождениям и другом Жонатана Тувье

Я ускорил шаг. Внутри все замерло и напряглось.

Левое ухо порвано, сухая костистая голова, ножничный прикус... Ну конечно, это он, Покхара. Я нагнулся и прижал его к себе. Мой пес жив.

– Все в порядке, Пок, все в порядке...

Я догадывался, как ему страшно. Чехословацкие овчарки вообще не любят новой обстановки. Я ласково его погладил, стараясь успокоить. У него изо рта шла пена, – видимо, его тоже чем-то накачали. Выпрямившись, я испытал постыдное облегчение: мой пес со мной, я не один.

Я решил двигаться по звеньям своей цепи. Почва под ногами черная и мокрая. Вроде бы идешь вперед, а на самом деле соскальзываешь назад. Покхара постепенно исчезал из виду: света было мало. Ведь собака – живой гимн свободе. Зачем же было его тащить сюда вместе со мной?

Метров десять я прошел по твердой гладкой поверхности. Потом ступать стало мягче. У подножия высокой скалы похрустывала заледеневшая грязь. Справа от меня конус света сразу уперся в отвесную стену. Я поднял голову, и налобник осветил ледяные и известковые сталактиты, висящие на высоте метров семи. Таких огромных сталактитов мне видеть еще не приходилось. Ну и местечко... Словно разинутая пасть какого-нибудь монстра из фантастического романа.

Я быстро прикинул, что если под ногами грязь, значит лед обтекает вниз. А если лед обтекает или падает, значит есть вода. Хорошая новость... Как говорится, приговоренному объявили, что его казнят не завтра, а послезавтра.

Ну вот я добрался до конца цепи, точнее, до ее начала. Цепь намертво закреплена колом, вбитым в скалу, и выдернуть ее невозможно. Я попытался

постучать по камню: вдруг кусочек отколется? Звук вышел громкий, но ничего не откололось. Скалу обработали со знанием дела, можно сказать, хирургически. С ней справится разве что отбойный молоток.

У ацетиленового баллона имелись серые ремешки, я закрепил его на спине и двинулся вдоль стены направо. Мой взгляд, моя жизнь – все сейчас сосредоточилось в этом пучке янтарного света от налобного фонаря. Слух чутко реагировал на каждый шорох, на каждую упавшую каплю. Нос вдыхал сырость и специфический запах мокрого известняка.

Цепь, скорее всего, была длиной метров двадцать. Я опустил голову и осторожно пошел дальше. Впереди проступали пласты округлых минералов – «почек», прозрачного растрескавшегося льда и обломков кварца и полевого шпата. Этот «декор» мог бы смотреться красиво, не будь он таким кошмарным.

Наверное, я бредил, потому что прямо перед собой вдруг увидел отвесную стену из чистого льда. Она поднималась, словно исполинская волна, готовая вот-вот обрушиться и поглотить тебя, точно челюсти. Наверное, она тысячелетиями нарастала от влаги, холода и конденсата. Фонарь просвечивал ее вглубь, и она отливала дивной синевой. Подземные ледники образуются на большой глубине, не меньше тридцати-сорока метров. Там, куда никогда не проникают и не смогут проникнуть солнечные лучи.

– Довольно! Хватит, в конце концов! Выпустите меня!

Я сделал полукруг и снова оказался возле красной палатки. Где-то завывал ветер. Покхара не двигался. В груди у него что-то похрустывало. Я долго смотрел на него и соображал, что если воду я нашел – ледяные куски так или иначе можно растопить, – то пищи нигде не обнаружил. Покхара – чехословацкий влчак,[4 - Чехословацкий влчак – помесь волка и собаки, порода, выведенная искусственно и вобравшая в себя характерные черты как волка, так и собаки. Влчак – собака одного хозяина, отличается верностью и к чужим относится с недоверием.] и он скорее волк, чем собака, после того как четыре года назад его сильно избили. Я его знаю как самого себя. Первое, что он сделает, очнувшись, – это примется искать еду.

Снова оставив его, я отправился в другую сторону и, подняв голову, различил в вышине камин,[5 - Каминном в альпинизме называется узкий вертикальный лаз в

скале. Камин проходится, чаще всего, в распор, и рюкзак приходится спускать или поднимать отдельно.] который уходил в никуда и терялся в темноте. На высоте пяти-шести метров проход был прямым и широким и постепенно сужался до размеров кошачьей лазейки.

– Эй! На помощь! На помощь!

Мои слова гулко раскатились во все стороны. Здесь все резонировало, да еще каждый звук усиливался. Желудок свело, и я согнулся пополам, – думал, меня вот-вот вывернет наизнанку. Но все обошлось. Я снова пошел вперед, цепь натянулась до предела, и мои ступни оказались перед нарисованной на земле красной линией. Краска давно высохла... Линия шла вправо-влево и изгибалась, очерчивая круг. Очевидно, это граница моей территории. Тюрьма в тюрьме. Я сосредоточился. Нарисованная линия, термометр, фотоаппарат, виниловые пластинки... На первый взгляд никакой логики... Я двинулся влево. Мои ноги ступали в сантиметре от красной линии, но пересечь ее я не мог. Впереди виднелись еще стены, а прямо передо мной в скале зияла дыра. Ход, напоминавший просторную галерею, которая сразу же сворачивала в сторону. Может, там разгадка моей несвободы? Может, за этим неприступным лазом лежит простая и прямая дорога наверх?

Почти бегом бросился я обследовать оставшийся участок и оказался перед глубокой шахтой. Я осторожно наклонился над ней и почувствовал струю воздуха. Ледяной воздушный поток устремлялся вниз, наводя на мысль, что где-то в глубине имеется еще одно огромное подземелье. Я оцепенел. Луч света из фонаря не достигал дна, огонь в горелке потрескивал и дрожал на воющем ветру. Наверное, эта поющая о смерти пасть не имеет конца и уходит к самому сердцу планеты.

С носа у меня стекла капля. Холод усиливался. Я снова двинулся вперед, и световой круг снова высветил нечто невообразимое. Я поморгал десять, пятнадцать, двадцать раз.

Оно по-прежнему было там.

Совершенно подавленный, я принялся потихоньку подкрадываться. По ту сторону красной линии, возле скалы, неподвижно лежал человек, слабо шевелился только его застывший от холода большой палец. У ног незнакомца

виднелся конверт.

Цепи на человеке не было.

Но его голову и лицо целиком скрывала черная металлическая маска.

4

Я старался вести счет дням. Я пытался также вспомнить из всего, что раньше читал, сколько времени человек может выдержать без еды и питья. От жары меня одолевали головные боли, часто охватывало самое мрачное отчаяние, и я смотрел на нас как на шестерых осужденных, идущих на неизбежную смерть. Каждое утро, когда просыпался, одна и та же мысль приходила в голову: чья очередь?[6 - Перевод В. Наумовой.]

Славомир Равич. Форсированным маршем (1956). Этот фрагмент текста Жонатан Тувье подчеркнул много лет назад

В день смерти моего компаньона по восхождению Макса Бека я нашел на биваке его фотоаппарат, «лейку» в черно-сером корпусе. Мне никогда не приходило в голову проявить пленку, она все время со мной, надежно спрятанная в шкатулке с замками-застежками. Иногда я уединяюсь на чердаке, достаю ее и просто смотрю. Она рассказывает о последних годах наших восхождений с тем, кто долго был моим лучшим другом. Порой сила воображения дает больше, чем долгие описания или зарисовки.

И она, несомненно, бесконечно более разрушительна.

Вот и теперь мгновенно запечатленный образ распостертого на дне пропасти существа в маске вполне мог бы пополнить мою воображаемую коллекцию ужасов. Его можно было бы поместить рядом с Франсуазой на больничной койке, с ее окончательно облысевшей головой.

Человек в желтом круге света с трудом приподнялся и потрогал маску. Кончики пальцев нащупали огромный замок, висящий на затылке. Он напрягся, потом

разозлился и быстро отполз на локтях к самой стене.

– Вы кто? Что это со мной сделали? Где я?

Я понял, что мой налобник его слепит, и чуть отвернул голову, не теряя незнакомца из виду.

– Я Жонатан Тувье. Где мы, я не знаю. Но похоже, в какой-то пропасти. Я очнулся тут, так же как и вы, без движения. Сколько времени прошло, я тоже не знаю. Наверное, нам вкололи снотворное или какой-то наркотик.

– Снотворное? В пропасти? Но... но...

Голос у него был странный, искаженный, в маске он звучал гулко, словно человек говорил в тубу. Он снова повалился на землю, пытаюсь стащить с головы похожую на шлем маску.

– Успокойтесь, ладно? Давайте разберемся по порядку. Вы видели того, кто вас сюда притащил?

– Нет.

– Скажите, кто вы.

Он поднялся, но тут же снова чуть не упал. Видимо, он тоже получил изрядную дозу. Ростом он выше меня и на вид гораздо крепче. И одежда на нем походила на мою, вот только эта жуткая маска и голос...

– Меня зовут Мишель Маркиз.

Его имя мне незнакомо. На безымянном пальце у него обручальное кольцо, тоненький золотой обруч. На другой руке не хватало нескольких пальцев.

– Вы живете в Аннеси?

– Нет, в Альбервиле.

Альбервиль? Неблизкий конец от моего дома. Незнакомец повертел головой, оглядываясь вокруг, и направился к шахте:

- Наверное, нам ввели что-то прямо в кровь?

Стараясь не пересечь красную линию – он находился за ней, вне моей досягаемости, – он протянул мне большой пустой шприц. Я стал его внимательно осматривать, держа в перчатках:

- Возможно.

- А что за штука у меня на лице?

- Что-то... вроде маски, железной маски.

- Железной маски? А ее можно снять?

Я засунул шприц в карман.

- Не похоже... Она охватывает всю вашу голову. Волосы, уши... Все...

- Но... зачем? Зачем ее на меня напялили?

- У меня такое впечатление, что от нас чего-то ждут.

Я указал на конверт, лежащий неподалеку от того места, где я обнаружил человека в маске.

- Там конверт... Сходите за ним.

Он как-то странно на меня взглянул. В дрожащем свете налобника его маска меня пугала. Она была сварена из болтов и металлических пластинок, для глаз, носа и рта прорезаны узкие щелки, а уши закрыты полностью. Наверное, она весила немало. Мишель повернулся спиной, и у меня снова перехватило дыхание.

– У вас на спине...

Он остановился и снова на меня посмотрел:

– Что – на спине?

– К вашей куртке пришит лоскуток белой ткани, и на нем написано: «Кто будет вором?»»

Он стащил с себя куртку и убедился, что я не вру. Тут у меня зародилось подозрение. Я быстро снял куртку. И на моей тоже красовался лоскуток белой ткани с надписью.

– «Кто будет лжецом?»»

Это произнес Мишель, сжав кулаки.

– Что означают эти фразы?

Он не двигался с места, но наконец, видя, что я не отвечаю, пошел за конвертом. Стараясь не приближаться, Мишель издали мне его протянул:

– Держите, у вас свет.

Я вскрыл конверт и достал письмо:

– Напечатано на компьютере. Итак: «На одном из вас железная маска с замком. Под этой металлической конструкцией, как раз над черепом, находится...»

Я остановился и грустно взглянул на Мишеля. Потом откашлялся и продолжил:

– «...находится заряд взрывчатки, снабженный механизмом, который приведет ее в действие в случае, если вы отойдете дальше чем на пятьдесят метров от ваших...»

Пораженный, я снова умолк и огляделся. Черт возьми, сколько же нас здесь? Мишель отшатнулся, схватившись руками за голову. Я не видел его лица, но думаю, на нем сейчас было выражение, как у человека, окруженного стаей волков.

- Продолжайте...

- «...дальше чем на пятьдесят метров от ВАШИХ спутников, прикованных цепями. Заряд крошечный, всего несколько граммов, но его хватит, чтобы продырявить вам череп.

Так что отныне вы объединены опасностью. Кроме меня, никто не знает, где вы, а я оттуда, где нахожусь, не смогу оказать вам никакой помощи. Поверьте мне, вас никогда не найдут. Примите как данность, что вы все умрете. Все дело в том, сколько вы сможете продержаться. И во имя чего».

Вы все умрете. В моем мозгу тут же всплыло воспоминание о глубочайшем ужасе, какой мне довелось пережить когда-нибудь в жизни. Меня засыпало лавиной, я задыхался и постепенно угасал. Это состояние называют медленной смертью. Похоже, мы крупно влипли. Я сложил письмо. Внутри была пустота. Мишель сидел сгорбившись, зажав руки коленями. Я пристально на него взглянул:

- Это письмо вам о чем-нибудь говорит? Для вас есть в нем хоть какой-то смысл?

После каждого слова изо рта вылетало облачко пара, тут же растворяясь в пустоте, и это было отвратительно.

- Говорит ли оно мне о чем-нибудь? Пожалуй, говорит... У меня бомба на башке, так ведь там сказано?

Неожиданно громкий воющий лай заставил нас вздрогнуть. Он раздавался словно отовсюду. Я обернулся и бросился к палатке, в голосе моего пса слышались угрожающие нотки. Узнаю его стиль: это сигнал о неизбежном нападении.

– Покхара! Пок!

Я подлетел к палатке, скребя цепью по земле. Собаки не было. Снова рычание: оно слышится отовсюду и одновременно ниоткуда. Мишель не отставал от меня, но резко замер, когда я обернулся и сделал ему предостерегающий жест рукой.

– Оставайтесь там!

– Один, в темноте? Ну уж нет! Я с вами. Только не говорите, что здесь еще и собака!

– Это моя собака.

В свете фонаря Покхара резко вскочил. Мне уже приходилось его видеть в таком состоянии: шерсть дыбом, весь во власти дикого инстинкта. Я одним прыжком подлетел к нему и навалился сверху. Он коротко дернул носом, явно меня узнав, но остался в том же напряжении. Тогда я, вслед за ним, поднял глаза.

Еще один. И он нас видит. С двухметровой высоты на нас таращились маленькие круглые глаза. Еще один клон, одетый, как и мы. Железной маски на нем не было, зато на правой лодыжке такая же цепь, как у меня. Он сидел на карнизе, которого я не заметил при первом осмотре территории.

Когда он повернулся, чтобы слезть, я увидел у него на спине тот же клочок белой ткани с надписью:

«Кто будет убийцей?»

5

Несомненно, мечта о блинчике – это всего лишь мечта, а не блинчик. А вот мечта о путешествии – это всегда путешествие.

Высказывание Марека Хальтера, которое Жонатан Тувье любил повторять, сидя в палатке в экспедиции

Мишель и мы с Поком подошли к палатке. Я был вынужден держать пса и все время его успокаивать, потому что он все норовил броситься на парня, который гремел цепью. Пок воспринимал это как угрозу. В обычной обстановке Пок довольно миролюбив. Фарид – Фарид Умад, так звали парня, – пытался разбить цепь о каменную стену. Я думаю, это нелучший способ справиться с ситуацией. Неистовство, рефлексия, гнев... А результат один: мы все оказались здесь, в подземелье, в плену, с нацепленными на спину жуткими надписями.

У меня за спиной послышался звук расстегиваемой молнии. Мишель, согнувшись, полез в палатку. Из нас троих он был самым высоким и массивным.

– Можете посветить? Ни черта не видно.

– Секундочку...

Я выпустил Пока и подошел к Фариду. Внешне он чем-то походил на меня. Вжавшись лицом в скалу, он казался скалолазом на маршруте свободного лазания: заостренные скулы, подбородок опирается о карниз, запавшие глаза глядят пристально, не мигая. Фарид Умад... Я готов был отдать руку на отсечение, что ему не больше двадцати. Интересно, смещение каких кровей дало такие прекрасные голубые глаза? Ведь у арабов это большая редкость.

– Пойдем в палатку. Попробуем хотя бы разобраться, что происходит.

– Что происходит? А я вам скажу, что происходит. Нас похоронили заживо. Вы ведь это мне только что прочли?

Я потрогал письмо у себя в кармане:

– Насчет цепи я уже все перепробовал. Бесполезно. Ладно, пошли.

– А ваш пес? Чего он на меня рычит? Не любит арабов?

– Он тебе ничего не сделает.

– Хорошо бы... Только не это... – Фарид подошел, вызывающе коснувшись Пока.

Пес заворчал, но не пошевелился. Фарид нырнул в палатку. Этот паренек, хоть и невелик ростом – не выше 165 сантиметров – и явно в весе пера, но энергии ему не занимать. Я испугался, как бы он не наэлектризовал нашу компанию.

Я приказал Поку лежать и тоже вошел в палатку. Она была просторная, метра четыре в длину и два в ширину. Как и наши цепи, ее колышки были вбиты в скалу.

Фарид замахал руками у меня перед носом:

– А перчатки? Где мои перчатки?

– Сожалею, но здесь только две пары.

– Только две? Но нас ведь трое?

Мишель ничего не сказал, только натянул на руки рукавицы и забрал себе спальник, сунув его под мышку. Фарид схватил металлический ящик с кодовым замком и встряхнул:

– А что там?

– Посмотри сам.

Я, естественно, говорил ему «ты», ведь он годился мне в сыновья. Я тоже потряс ящик. Он явно тяжелее, чем если бы был пустым, и какой-то предмет внутри его ударялся обо что-то мягкое. Что же до замка... Пожалуй, через некоторое время я размочу его камнем... В худшем случае нам останется подобрать комбинацию цифр. Их шесть... Значит, миллион вариантов... Невозможно.

– Понятия не имею, что там.

Он выхватил ящик у меня из рук, вышел из палатки и принялся швырять его о скалу. Два раза, три... На сейфе даже царапины не появилось.

Фарид вернулся в палатку и властно щелкнул пальцами:

- Письмо... Прочтите-ка мне это чертово письмо.

Я протянул ему письмо, стараясь угадать в его взгляде хоть искру, которая подсказала бы мне, что я знаю этого неведомого мне паренька. Прошло несколько секунд, и он прижимает письмо к моей груди:

- Что вы такое сделали, чтобы я здесь оказался?

Я осторожно положил шприц возле стенки палатки.

- Сдается мне, ты меня невзлюбил. Почему?

- Почему? У вас фонарь, перчатки, у вас цепь длиннее, чем у меня, и у вас собака. Вот почему!

Подошел Мишель. Он так и не расстался со спальником, и у меня возникло подозрение, что он вообще собрался надеть его на себя и в нем ходить.

- Это верно. Зачем здесь собака? У меня тоже дома собака. Почему только у вас такая привилегия?

- Вы называете это привилегией?

- В такой дыре - конечно да.

- Прежде чем разобраться с этим, нам надо понять, что с нами произошло. И поразмыслить над тем, что написано на наших спинах.

Фарид не сводил с меня глаз. Уже по тому, как он стискивал зубы, я догадался, что парень он вспыльчивый, и такой характер выковался, скорее всего, на улице. Этих ребят из пригородов, с вечно свирепым лицом, я видел на телеэкране. У меня создалось впечатление, что парень на все горазд. Гетто, всяческие рискованные кульбиты, сожженные автомобили... Он подышал на руки, все так же пристально глядя на меня:

– А в чем ваше-то преступление?

– Преступление? Я не совершал никакого преступления. Может, ты? Это ведь у тебя на спине самая ужасная надпись.

Фарид пожал плечами и присвистнул:

– Не катит...

Он отвернулся и уселся в углу палатки.

Мишель решился предложить свой комментарий:

– «Кто будет убийцей, кто будет лжецом, кто будет вором...» Почему не написать прямо: «Кто убийца?» Все эти деяния еще предстоит совершить, так, что ли?

– Или предстоит разоблачить... А это, так сказать, определяет будущее амплуа. Так что на всякий случай: есть ли среди нас убийца?

Я оценивающе уставился на обоих. Фарид обернулся. Он завладел вторым спальником, глянул на пластинки и подпер подбородок кулаками.

– А что это за музыка? Пение птиц... И вот это... «Wonderful World». На фиг это здесь нужно?

Он пошарил вокруг себя, заметил фотоаппарат и повертел его в руках.

– Над нами что, издеваются, что ли?

– Думаю, там остался всего один кадр.

– Ага, фотку щелкнуть, ладно... А мне вот нужна сигаретка, и побыстрее. Вообще-то, я предпочитаю «Голуаз», но согласен на что угодно. Даже на самокрутку. Есть у вас закурить? Что, ни у кого?

Я устроился в центре палатки и положил белую каску у ног, так чтобы свет распространялся равномерно. Ацетиленовый баллон я с себя снял. Холодная сырость леденила лицо, из носа капало, и я вытер его рукавом куртки.

- Предлагаю представиться друг другу. Возможно... у нас есть что-то общее.

- Блестящая идея, - заметил Фарид, - потрепемся, вместо того чтобы попытаться отсюда выбраться. У меня нет ничего общего с тобой и еще меньше - с тем, другим.

Он тоже перешел на «ты» и все время отчаянно тер руки. А он мерзляк, без сомнения. А пещеры мерзляков ох как не любят.

- Приступим, я начну. Меня зовут Жонатан Тувье, мне пятьдесят лет. Жена Франсуаза, девятнадцатилетняя дочь Клэр. В молодости занимался альпинизмом, работал в журнале об экстремальных видах спорта «Внешний мир». Теперь живу в Аннеси, работаю в конторе, которая называется «Досуг с Пьером Женье». Ее организовал один из моих друзей. Разные походы, каноэ, рафтинг - в общем, приманка для туристов.

- Так ты из тех, кто спит в спальниках? То есть тебя это не напрягает? Ты в своей стихии, парень, а мне непривычно.

Я не обратил внимания на реплику Фариды и кивнул в сторону Мишеля:

- Теперь вы.

Человек с закованным лицом нервно теребил рукавицы.

- Меня зовут Мишель Маркиз, мне сорок семь лет... исполнится... двадцать седьмого февраля, через два дня. Дома намечалось небольшое торжество, и вот... - Он вздохнул. - У меня жена Эмили... детей нет. Три года я жил в Бретани, в Планкоэте, в деревне, занимался свиньями. - Он стащил рукавицу и показал руку без двух пальцев. - Я хотел сказать, убоим скота. Ну да, механизмы иногда барахлят... Теперь живу в собственном доме возле Альбервиля и снова занимаюсь свиноводством. Что еще? Ненавижу снег, сырость и туманы.

- А почему Альбервиль, если вы ненавидите снег?

- Да все из-за Эмили. Ее специальность - спортивная обувь. Дизайн, всякие там чертовски сложные штуки. Ее перевели туда по службе, у нас не было выбора.

- Да, Альбервиль - не лучший выбор, там даже купаться негде.

- Ну, это кому как.

Я повернулся к Фариду. Он сразу выпалил:

- Фарид Умад, ты это уже знаешь. Двадцать лет. Живу при богадельне на севере Франции. Детей нет, жены тоже. И никаких неприятностей.

- Ты учишься? Или работаешь?

- Да так, перебиваюсь случайной работой, то тут, то там...

- А еще? Что-то ты не особенно словоохотлив.

- Все, что мне хочется, так это выбраться отсюда, и поскорей.

- Вот в этом, я думаю, мы все заодно.

Я сдвинул рукав пуховика, чтобы посмотреть на часы. Забыл...

- У меня украли часы. А у вас?

Мишель согласно кивнул. Фарид не пошевелился. Он засунул руки под куртку и свернулся, как маленькая гусеница.

- А я часов не ношу. Не люблю.

У нас и время украли. Вся эта тщательность, это внимание к деталям ставили меня в тупик и явно говорили о том, что наша ситуация просто так не разрешится, несколькими часами дело не обойдется. Я все больше опасался

худшего. «Вы все умрете». Мне надо выиграть время. Я подошел к Мишелю и начал внимательно изучать маску, особенно замок:

– Ничего не сделать. Надо бы дать вам в челюсть и посмотреть, сдвинется ли маска хоть на несколько сантиметров.

– Нет уж, как-нибудь обойдусь.

– Ладно... Предлагаю обследовать пропасть. Мы с Фаридом ограничены в передвижении, зато вы, так сказать, более свободны. Позади палатки есть галерея. Дойдите-ка до нее и скажите, не ведет ли она наверх.

– Я бы с радостью, да у меня на голове штуковина, которая может взорваться, если я правильно понял.

– Вы правильно поняли. Но судя по тому, что написано в письме, вы имеете право отойти от нас на пятьдесят метров.

Он пожал плечами:

– Не знаю. А если письмо врет? И она взорвется через пять или десять метров?

Фарид, будучи парнем нервным, развлекался тем, что выдувал облачка пара.

– А может, она и вовсе не взорвется? Если все это блеф? И у тебя на башке нет никакой бомбы? Ты можешь свободно передвигаться, и это неспроста! Иначе тебя бы тоже приковали цепью, соображаешь? А потому пойди-ка в галерею и посмотри, можно ли через нее выбраться.

Мишель кивнул:

– Ладно, попробую.

Я поднял баллон с ацетиленом:

– Отлично. Вперед.

– Погодите, я вот что подумал, – сказал Фарид. – Если эта штука может взорваться, отдалившись от нас, значит где-то на нас должен быть взрыватель, так? Надо проверить. Давайте обшарим свою одежду.

Мы обследовали все: карманы, подкладку...

– Хорошо бы совсем раздеться, похититель мог прилепить его скотчем прямо к нашей коже.

Я сжал зубы и сухо бросил:

– Это потом, позже.

– Почему позже? Почему не сейчас?

– Потому что не хочу раздеваться догола перед типами, которых не знаю.

– Ты не хочешь или тебе есть что скрывать?

6

Выживание разрушает границы сознания. Все, что ты считал глубоко запрятанным, подавленным, вдруг вырывается наружу с десятикратной необузданностью.

Доктор Патрик Пармантье, психиатр. Объяснение, данное комиссии экспертов в ходе судебного процесса над человеком, обвиняемым в убийстве

Фарид и Мишель шли впереди меня, Покхара трусил сзади. После безуспешных попыток разбить наши цепи мы, теперь уже втроем, отправились обследовать территорию. Размером наше подземелье было примерно с два теннисных корта и представляло собой скорее овальную, чем прямоугольную, площадку. Мы обогнули расположенную на двухметровой высоте нишу, где сидел юный араб. Кол, к которому крепилась его цепь, находился примерно на уровне моей груди.

Почему Фарид поместили так высоко? Изучив зарубки от ледоруба, с помощью которого тело поднимали наверх, я убедился, что, какими бы несуразными ни казались эти подробности, тут все неспроста, все имеет смысл.

Мы добрались до камина, отходившего от потолка метрах в семи вверху. От потока воздуха задрожало пламя горелки в фонаре. Мишель подошел и, сложив ладони рупором, крикнул:

- На помощь! На помощь!

При этом он подпрыгивал на месте, и мы начали подпрыгивать вслед за ним. Я успокоился первым, за мной Фарид. А Мишель продолжал надрываться, пока не охрип. Ему нужна была уверенность, что он сделал все возможное. Не сомневаюсь, что под маской он был на грани срыва. Фарид ходил взад-вперед, скрестив на груди руки:

- Мне двадцать лет, и я вовсе не хочу подыхать. Мы умрем от жажды или от холода. Здесь настоящий ад.

- От холода мы не умрем. У нас есть теплая одежда и вполне приличные спальники, они хорошо держат те...

- Ну да, два спальника. И две пары рукавиц, которые я даже не знаю, как выглядят, поскольку ими сразу завладел наш R2D2.[7 - Астромеханический робот-дроид из фантастической киносаги «Звездные войны».] У меня уже руки и ноги заоченели, и я скоро стану похож на рождественскую елку. Это ты учел или нет?

- ...держат тепло. С водой тоже нет проблем. Там, чуть подальше, есть грязь, значит вода сочится из-под ледника.

- Ледник... И он так обыденно произносит «ледник», словно это совершенно нормально и само собой разумеется. Лично я видел ледники, только когда ездил летом на море.

Мишель поднял голову, и нос его маски нацелился прямо на камин.

– Может, это какой-нибудь научный эксперимент. Или реалити-шоу. Ну, знаете, такие штуки с секретами? Я их люблю смотреть по телику. Участников запирают, и у каждого своя тайна.

Голос у Мишеля надтреснутый, потому что он наорался. Фарид не упустил случая его поддеть:

– А у тебя какая, парень? Ты вун, вор или убийца?

Не обращая на него внимания, Мишель принялся внимательно изучать каменный хаос потолка у нас над головой:

– Не исключено, что они спрятали инфракрасные камеры наверху, за этими сталагмитами, и за нами наблюдают. Может, мы и правда объекты научного эксперимента.

– Это называется сталактиты, а не сталагмиты. И в каком словаре ты вычитал слово «инфракрасные»? Ты что, думаешь, что откуда ни возьмись явится волшебник и отвезет нас домой? Слушай, если ты перестанешь ныть, то очень поможешь нам сосредоточиться.

Я снял с себя баллон с ацетиленом и закрепил его на спине у Мишеля, а потом протянул ему каску. Но она на него не налезла.

– Пойдите-ка осмотрите галерею. Мы с Фаридом не можем зайти за красную линию. Но главное, самое главное: старайтесь не повредить шланг подачи газа. Этот фонарь работает, как зажигалка. Никаких резких движений головой – иначе он погаснет. В этом случае поверните колесико пьезоподжига за отражателем – и пламя снова загорится. Вы можете регулировать подачу газа с помощью краника. Понятно?

Прошло время, прежде чем Мишель ответил:

– Ладно. Но я сделаю не больше тридцати шагов. Хочу напомнить, что...

– Знаем, знаем, – перебил его Фарид. – Бабах!

Мы подошли к границе нашей территории. Несмотря на то что цепь у Фариды была короче, мы оба оказались у красной черты. Я в последний раз предупредил Мишеля:

– Без света нам конец, ясно? Этот фонарь – наш единственный маяк на пути к выживанию. Не наделайте глупостей.

Он кивнул. В воздухе стояли облачка нашего дыхания, и я заметил, что на касках и куртках появились мелкие капельки влаги.

– Раз... два... три...

Считая шаги, Мишель стал удаляться от нас.

– Ну, прямо как Форест Гамп, – пробормотал Фарид. – Какой же это свет?

Я ощущал смолистые испарения, столь неотделимые от любой органической жизни, угадывал укромные уголки, освещенные слабеющим лучом рефлектора. Я вцепился пальцами в ткань своих штанов. Обернувшись, я увидел, как по мере того, как Мишель удалялся, постепенно исчезает из виду наша палатка. И сразу проявились звуки. Стало слышно, как падают капли, и у каждой своя частота, свой голос, словно кто-то тихонько наигрывает на ксилофоне.

– А тебя похитили, когда ты спал? – спросил я.

– Ага... Я ночевал у матери. Понятия не имею, как они пробрались в дом... А проснулся уже здесь. Никто из моих знакомых не мог бы выкинуть такую штуку. Наверное, это какой-то псих ненормальный. Надеюсь, он ничего не сделал с моей семьей, иначе я его убью.

Семья... Франсуаза в больнице, она ничего не боится. Моя дочь Клэр пробудет в Турции еще пятнадцать дней. Она путешествует и делает муляжи из латекса для киностудии. Мама доживает свои дни в доме престарелых, а отец умер. Фарид прошептал еще тише:

– Слышишь, как шумит? Что это – вода, ветер? Эта проклятая пропасть словно поет.

Черт возьми, а ведь он прав!

– И темнота такая странная. Тебе приходилось спускаться в шахту? Я в одной был, на севере, как раз перед тем, как их позакрывали. Там тоже было темно, но повсюду чувствовалась жизнь, присутствие человека. А дед мне рассказывал, что были слышны удары кирки, голоса шахтеров, чей-то кашель... Эти звуки напоминали, что наверху, несмотря на всю жуть их работы, у людей будет завтра. А здесь... где оно, завтра, а?

Где завтра?.. Я думал о Франсуазе и даже боялся представить себе, как она сейчас беспокоится. Наверное, послала мне на мобильный тонны сообщений. По моим подсчетам, сегодня среда. Именно сейчас мы должны были встретиться с донором костного мозга. Мы ждали его почти два года, и теперь через несколько дней ему предстояло подарить моей жене жизнь. Благодаря работе в больнице и своим связям Франсуазе удалось узнать имя донора. Ей хотелось познакомиться со своим спасителем и поблагодарить его. Он согласился принять нас. Мы строили столько планов! Лейкемия, в своей беспощадной жестокости, открыла нам глаза.

Застонав от ярости, я дернул цепь, потянул на себя и с грохотом швырнул об землю.

– Эй, дедуля! Не сходи с ума, ты нам нужен. Иди сюда, если не хочешь, чтобы этот мешок с гвоздями разлетелся в клочья.

Я схватил его за воротник:

– Никогда не называй меня дедулей, понял?

Он не знал, кто я, и понятия не имел, что в шестнадцать лет я не гонял, как он, по улицам, а уже проходил скальные стенки на руках, без всяких приспособлений. Я оттолкнул его, и тут меня вдруг поразила чудовищная мысль: а ведь это правда, письмо не врало, нас никто не будет искать. Вы все умрете. Сейчас самая середина зимы, а мы под землей, на такой глубине, где нет даже насекомых, чтобы сожрать наши трупы. Мне приходилось бывать в серьезных переплетах и пережить моменты, когда смерть так близко, что чувствуешь ее зловонное дыхание. Но это было очень давно... Теперь у меня жена, у меня растет дочь, и я ее люблю. Я больше не хочу приключений, я выдохся. Но все это

слова, а хороший альпинист – альпинист и в жизни.

Далеко впереди погас последний отсвет фонаря. Затих голос, отмеряющий шаги, да и сами шаги... Теперь ничего не видно и не слышно. Только капли, дуновение воздуха да наше сиплое дыхание.

– Мишель, как дела?

Мой голос эхом отдался вдалеке и тоже затих. Мишель должен был меня услышать и ответить. Я выждал несколько мгновений и снова позвал:

– Мишель?

– Мишель, мать твою!..

И вдруг – какое облегчение! Вдалеке по камням запрыгал луч света. Я покрепче взял Пока за ошейник: пес хоть и не зарычал, но весь подобрался. К Фариду вернулось остроумие.

– Слушай, ты, доходяга, у тебя что, глотка лопнет ответить, когда тебя зовут?

Фонарь приближался, круг света разрастался, вот он уже лизнул наши ботинки.

– Мы спасены. Похоже, там полно всякой всячины для выживания.

7

Первое, что мне пришло в голову, – это полностью изолировать себя от изменений окружающей нас среды, то есть от тех факторов, которые обуславливают поведение человека с момента его рождения. Изолировать так, чтобы можно было выявить основной механизм наших «собственных» часов, наш физиологический ритм и частоту первичных элементарных процессов... Очень важно установить, сможет ли человек в изменившихся условиях сохранить прежний ритм, до сих пор определявший всю его жизнь, – бодрствование, сон,

работу, – или этот ритм нарушится?[8 - Перевод К. Серафимова.]

Мишель Сифр. Один в глубинах Земли (1963)

Два апельсина, две бутылки водки, две пачки «Голуаз», зажигалка, кастрюля, две тарелки, две пластиковые вилки, два прозрачных стакана, пять баллончиков пропана и газовая горелка Колеман с ниппелем.

Скудный итог трех походов Мишеля в галерею. Фарид набросился на сигареты и не сразу смог открыть пачку, так дрожали у него пальцы. Наконец он с наслаждением затянулся. Я пристально посмотрел на Мишеля:

– По-вашему, это называется «полно всякой всячины для выживания»? Вы уверены, что там больше ничего нет?

– Во всяком случае у края галереи – ничего. Но там поворот, а за него я не заглядывал. Пойду гляну. Я просто хотел вам принести... ну, все это.

Я кивнул подбородком в сторону Фариды:

– Любопытно, с этими «Голуаз»... Ведь ты именно про «Голуаз» говорил в палатке?

После эйфории первых затяжек Фарид снова забрюзжал:

– Ну и что с того?

– А откуда наш мучитель был в курсе?

– А я почему знаю? Я вот что заметил: тут все для двоих. Как по-твоему, кто из нас лишний? Ты, житель гор, он, этот доходяга, или я, араб? Потрясная троица!

Покхара украдкой обнюхал каждый предмет, а Мишель взял один из баллончиков и встряхнул:

– Здесь их пять штук, и все полные. Это говорит о том, что мы останемся тут надолго. Так или не так?

Я внимательно разглядел баллончик:

– Это и вправду неплохой запас. Такие баллончики служат два часа при полном режиме и от восьми до девяти при экономном. Можно продержаться несколько дней, даже недель, если расходовать с умом.

– Столько газа, а сварить нечего. На что он тогда нужен?

Глупый вопрос, но он остался без ответа. Мишель, понуриив голову, снова поплелся в галерею. Прошло минуты две, и вдруг, задыхаясь, падая и вновь поднимаясь, он рванул обратно. Добежав до нас, он остановился, бросил каску под ноги, заколотил руками по своей маске, сваренной из болтов и гаек, и заорал:

– Да что же это такое? За что?!

Резко выпрямившись, он выдернул шланг, шедший от баллончика к каске, и сдвинул его на бок, не загасив при этом огня. Я в ярости рванул на цепи:

– Эй, поосторожнее со светом! Черт возьми!

Но он меня не слышал, нервно вышагивая взад и вперед.

– Ну, выкладывайте, что вы там увидели?

– Там кто-то... Там кто-то есть, за поворотом...

Мы с Фаридом переглянулись. У меня внутри зашевелилась тень надежды.

– Только не говорите, что он тоже прикован.

Он помотал головой:

- Нет, нет... Не прикован... Он... он мертв.

8

Я сомневаюсь, что жизнь на большой высоте может кому-то нравиться. Там невозможно курить; еда тут же вызывает приступ рвоты; повсюду пролитое масло от сардин, лужи сгущенки и каши. За исключением нескольких очень коротких мгновений, любоваться не на что, кроме как на мрачную неразбериху в палатке да на бородатую физиономию напарника по восхождению, с которой ключьями лезет обожженная солнцем кожа. Еще слава богу, если вой ветра заглушает сопение его заложенного носа. Но самое худшее - это ощущение полной беспомощности и неспособности противостоять любой неожиданной опасности...

Эрик Шиптон. На этой горе (1943). Знаменитого альпиниста Эрика Шиптона очень почитал Жонатан Тувье

Зрелище, которое нам открылось, было до невероятия ужасающим. Прямо перед нами, у входа на галерею, Мишель тащил за ноги мертвеца, на живот которого он положил налобник. Ужас, будто пещерный человек, возвращающийся с добычей к своему голодному племени.

Прищурившись, я разглядел, что за беловатой массой трупа тянется широкий красный след, и след этот оставляет череп. Руки мертвеца были сложены. Мишель тяжело дышал, от него валил пар. В холоде и сырости любое усилие сжигает множество калорий.

Фарид подошел и опустился на колени, а я остался стоять, удерживая Пока за шкуру. Я словно прирос к месту, глядя на надпись на спине Фариды: «Кто будет убийцей?»

Потом взгляд мой снова вернулся к трупу. Странно, но на нем не было ни ботинок, ни даже носков. На самом деле он был совершенно голый. Вокруг бедра тянулась татуировка в виде орла. Фарид склонился к тому, что когда-то было лицом, а теперь полностью исчезло. Кровь запеклась темным, почти черным,

пятном. Незнакомец был лысый, крепко сбитый, но не такой, как Мишель. Точно упавшее дерево, от которого под прямым углом к тазу отходили ноги. Мне приходилось слышать о трупном окоченении, и похоже было, что здесь оно уже полное. Я спросил Фариду:

- Ты его знаешь?

Тот вытер нос тыльной стороной ладони, не сводя с трупа глаз:

- Ему черепушку разнесло. Даже будь это мой отец, я бы его и то не узнал. Нет, не знаю. А ты?

- Я тоже. Эта... физиономия, этот лысый череп никого мне не напоминают. Он неузнаваем.

Стиснув зубы, Фарид приподнял голову мертвеца и осмотрел огромную дыру в затылке. Я тоже не удержался и взглянул: черепная кость абсолютно раздроблена.

- Пуля тридцать восьмого или сорок пятого калибра, выстрел в упор, огромные повреждения. А где пушка?

Мишель насторожился:

- Какая пушка?

Фарид выпустил из рук окоченевшую голову, и она со странным, пустым стуком грохнулась на землю.

- Какая пушка, какая пушка... Да та, что ты нашел рядом с покойничком. Погляди на его правую руку.

Он потрогал руку трупа и поднес кончики пальцев к носу:

- Порох... Его никто не убивал, он сам себе башку продырявил. И там где-нибудь поблизости обязательно должно валяться оружие. Отдай пушку. Я не хочу, чтобы она оставалась в твоих здоровенных граблях, debil.

Мишель затряс металлической головой и отступил назад, зайдя за красную линию. Там он был вне пределов нашей досягаемости.

- Нет, оставлю себе. И я вовсе не дебил.

Мы с Фаридом переглянулись. Я оставил Пока на месте и подошел к границе:

- Расскажите нам в деталях обо всем, что вы обнаружили в галерее.

Мишель явно тянул с ответом и все более недоверчиво отступал назад. Он прекрасно усвоил, что красная линия делает из нас львов в клетке, зато он - свободный электрон.

- Человек сидел, прислонившись к скале, голый, с простреленной головой. У него... в правой руке был зажат револьвер. Пальцы были как судорогой сведены вокруг ручки... Когда я оттащил труп, то увидел на стене след от пули. Она разлетелась на кучу блестящих кусочков.

Он вытащил револьвер из заднего кармана брюк. Фарид присвистнул и выказал завидные познания в предмете:

- MR - семьдесят три. Бывшее оружие полицейских. Из такой игрушки промахнуться трудно. Ты барабан открывал, чтобы посмотреть?

MR-73, барабан, порох на руках... Похоже, Фарид в этом разобрался.

- Барабан? - (Молчание.) - Нет пока.

- Ну так открой. Чего ты ждешь?

- Я... А я не знаю, как его...

- Дай покажу.

Мишель не двинулся с места, снял перчатки и, повозившись, открыл барабан, встряхнул револьвер сверху вниз и показал нам ладонь:

– Осталась одна пуля.

9

На высоте больше всего раздражает то, что надо все делать быстро. Ты не можешь долго оставаться выше 7000 метров. Вилка слишком узка. Ты словно находишься на краю «Голубой Бездны» или, еще точнее, играешь партию в шахматы. Собираешься с силами, двигаешь вперед пешки. Занимаешь лучшую позицию. Но при этом ты знаешь, что малейшая неточность, малейший промах – и гора нанесет тебе неожиданный удар. И партия проиграна.

Жан Кристоф Лафай. Интервью, данное в 2003 году журналу «Внешний мир», который Жонатан Тувье выписывал после того, как отошел от дел

Орудие смерти, которое держал в руке Мишель, блеснуло в свете налобника.

– Кто будет убийцей? – произнес Фарид. – Похоже, это обрело смысл, а? Я хочу сказать, у нас есть и оружие, и пуля. И мы все – потенциальные убийцы.

Я в изумлении глядел на труп и ничего не понимал. Даже порывшись в самых далеких уголках памяти, я не вспомнил этого человека. И среди моих знакомых не было никого, кто мог быть способен на такие штуки. С тех пор как у Франсуазы обнаружили лейкемию, я словно перестал существовать, я на все смотрел сквозь призму больничной койки. Фарид подошел к окоченевшему мертвецу, точнее, к тому, что от него осталось, и изо всех сил пнул его ногой в бок. Потом еще и еще раз... Я подскочил к нему и обхватил сзади:

– Эй, прекрати! Что на тебя нашло?

Он все еще дергался и вырывался. Настоящий клубок нервов. Пок оскалился.

– Это он, засранец, заточил нас сюда!

– Ну, об этом ничего не известно. Оставьте его в покое.

Мишель, как всегда невозмутимый и неподвижный, тоже поделился сообщением:

- Вот чего я не понимаю, так это почему он голый.

Фарид ткнул пальцем в направлении палатки, которая с трудом различалась в темноте:

- Пошевтели мозгами две-три минуты. Этот тип приволок нас туда, где никто не будет нас искать. Он принял меры, чтобы мы не выкарабкались, и приковал нас цепями. Потом разделся догола и сбросил всю свою одежду в пропасть. И знаешь почему? Этот хитрый черт боялся, что кто-нибудь найдет его шмотки, документы или еще не знаю что... Он не хотел, чтобы это досталось нам. Даже трусов не оставил. Тот еще извращенец.

Он повернулся ко мне:

- Прочти мне конец письма.

Я вынул листок из кармана и протянул ему:

- Держи...

- Нет, ты прочти.

- Ты что, читать не умеешь?

Наступила долгая пауза.

- Умею. Я просто плохо вижу, вот и все. Этот гад обо всем позаботился, вот только очки мне не вернул.

Была у этого парня неодолимая тяга к вранью, и мне это не нравилось. Я начал читать, и Фарид подошел поближе.

Кроме меня, никто не знает, где вы, а я оттуда, где нахожусь, не смогу оказать вам никакой помощи. Поверьте мне, вас никогда не найдут. Примите как данность, что вы все умрете. Все дело в том, сколько вы сможете продержаться. И во имя чего.

Я сложил письмо и сунул его в карман. Фарид злобно произнес:

– Ну вот, что тут непонятного: «...а я оттуда, где нахожусь, не смогу оказать вам никакой помощи». Что хотел сказать, то и сказал. Он мертв и ждет, что мы тоже подохнем.

Я должен был признать, что рассуждал он здраво. Парень явно далеко не дурак. И логика, и наблюдения указывали на самоубийство. Письмо с инструкцией, незнакомец, залезший в это логово, чтобы покончить с собой, и порох у него на правой руке... Однако я возражаю:

– А где второй? Тот, кто помог затащить нас сюда? Он-то где?

В задумчивости Мишель приблизился к нам, оставив револьвер и пулю на земле, примерно в метре от красной линии.

– Второй?

– Да. Не думаю, что он смог бы проделать все в одиночку. Во время туристских походов мне приходилось нести одного-двух клиентов со сломанными лодыжками. С таким грузом на плечах долго не выдержишь. Ведь этого типа кто-то должен был сюда принести, живого или мертвого. А потом разыграть самоубийство.

Фарид поднес ко рту руку с сигаретой и закурил. И никому не предложил.

– Разыграть самоубийство... Согласен. Чтобы сбить легавых с толку, так, что ли? Ты мне не объяснишь, зачем в здешних местах маскировать убийство под самоубийство? Никакого второго нет. Так или иначе, а этому парню удалось нас сюда приволочь, причем как раз тем путем, который обнаружил Мишель. И теперь, когда он мертв, никто не знает, что мы здесь.

Покхара ускользнул из-под моего контроля и принялся кружить вокруг Фариды и принюхиваться.

– Пок! Ко мне!

Он не послушался, и это было на него не похоже. Я повторил команду, и снова безрезультатно. Я бросился к нему, схватил за холку и пригнул ему голову к земле. Глядя псу прямо в глаза, я сильно его придавил, пока он не заскулил.

– Ты будешь слушаться?

Фарид ухмыльнулся:

– Голос плоти, закон тела, называй как хочешь. Это сильнее всего, чему ты его учил. Твоя зверь больше похож на волка, чем на собаку. Думаешь, он долго продержится, имея под носом такой лакомый кусок?

Я предпочел об этом не думать. Снова взглядевшись в скрюченный труп, я вдруг обратил внимание на его левую руку. Поморщившись, я нагнулся и приподнял ее:

– У него тоже было обручальное кольцо, вон, от него еще след остался. Можете думать, что я это нарочно говорю, но, если он действительно хотел с собой покончить, зачем ему было снимать обручальное кольцо?

Фарид в последний раз ощупал покойника, а Мишель вообще никак не отреагировал. Парень разжал раздробленные челюсти мертвеца:

– Ты задал кучу вопросов... А я вот вижу, что у него ухоженные зубы. По крайней мере то, что от них осталось. Ногти хоть и грязные, но видите, как аккуратно подстрижены. И на ногах тоже. Он брил торс и ноги... Несомненно, это спортсмен. И татуировка симпатичная. Орел – символ силы, ведь так? Этот парень за собой следил. Он поднялся. – Пока не застрелился по причине, которую нам еще предстоит понять... Так что будем делать?

Мишель расстегнул молнию на пуховике и что-то вытащил из-за пазухи:

- А если открыть вот это? Было зажато у него между колен.

Он держал в руке толстый коричневый конверт. Я стиснул зубы:

- А почему вы об этом сказали только сейчас?

- Да просто забыл. Вы что думаете, я каждый день оказываюсь нос к носу с трупами? Я каждый день гляжу на мертвых свиней, но это совсем другое дело. Свиньи - животные и животными остаются.

Я выхватил конверт у него из рук:

- В следующий раз постарайтесь не забыть.

Не надевая перчаток, я надорвал конверт и раздвинул его края. Если бы Фарид мог нырнуть внутрь конверта, он бы, наверное, нырнул. Он словно приклеился ко мне:

- Ну что?

Я с тревогой поднял глаза:

- Там фото. Точнее, три увеличенных снимка. Сдается мне, что по одному для каждого из нас.

10

Суть... экстремального альпинизма вот в чем: если что-то идет не так, надо бороться до конца. Если вы достаточно подготовлены, вы выживете, если нет - что ж, надо заплатить природе за проигрыш.[9 - Здесь Д. Робертс цитирует высказывание шотландского альпиниста Дугэла Хэстона. Перевод С. Калмыкова.]

Дэвид Робертс. Моменты сомнений (1986)

Мы все жались на одном квадратном метре возле красной линии. Оружие лежало на земле по ту сторону линии, вне нашей с Фаридом досягаемости. Я попросил Мишеля поместить фонарь в центр нашего живого круга и вынул из конверта все три фотографии, каждая двадцать на тридцать. Первая из них мне ни о чем не говорила, зато Мишеля поразила в самое сердце. Грудь его дрогнула, и он поднес руку к маске. Я с самого начала чувствовал, что он на грани, но теперь он явно не выдержал. Прижав фотографию к груди, он насупился и отошел в сторону. Фарид насмешливо пожал плечами.

Мне было страшно взглянуть на второй снимок. Осторожно, кончиками пальцев, я взял прямоугольник глянцевої бумаги. Когда я увидел изображение, вокруг все потемнело. Эмоции захлестнули, я выронил конверт и отшатнулся, ошеломленный и подавленный. На глаза навернулись слезы, но я сдержался. Не раскис перед ними.

Я держал в руках недавнюю фотографию моей дочери Клэр. Она была сделана возле магазина в Аннеси, нарядно украшенного к Рождеству. На обратной стороне надпись: «Угадай, что я с ней сделал».

Я схватился за голову. Нет, не может быть. Мы совсем недавно переписывались с Клэр по электронной почте, и она рассказывала о Турции, об учебе в Школе кинематографии... Она говорила... что все идет прекрасно и что скоро она еще напишет.

Вокруг меня все вдруг закружилось. Я подумал, что, может быть, кто-то чужой воспользовался ее компьютером. Тот, кто затеял игру со мной и постепенно плел свою паутину. Чтобы так все подстроить, надо было долго готовиться и иметь серьезный мотив. Но зачем? Для чего? Чуть не плача, я подошел к Фариду:

– А у тебя?

Тогда я в глубине души хотел, чтобы он тоже страдал, чтобы и ему было так же больно, как мне. Мне хотелось уяснить для себя, зачем здесь эти двое, хотелось выбраться отсюда и увидеть семью. Фарид выронил снимок, и тот упал на конверт. Я поднял его дрожащими пальцами. На фото была изображена внутренность багажника пикапа. Рядом с большой поперечной пилой угадывался завернутый в синее одеяло объемистый предмет, по виду напоминавший силуэт человека. Фарид поджал губы:

- С этим снимком я не имею ничего общего. И он меня не касается. Возьми его.

Я набросился на него и схватил за горло. Мы покатались по земле.

- Что ты натворил? Кто завернут в одеяло?

Фарид отбивался, лишенный возможности говорить. Чьи-то сильные руки оторвали меня от земли и отбросили в сторону. Надо мной стоял Мишель.

- Перестаньте сейчас же. Нехорошо это.

Я поднялся, слегка оглушенный. Силой Мишель обладал недюжинной. Отбежав к тропе, ведущей в галерею, я крикнул:

- Что тебе от нас надо, подонок? Выпусти нас отсюда!

Я метался, схватившись за голову. В мозгу возникали картины, одна страшнее другой, мне слышались крики Клэр. Я представлял себе ее ужас перед издевающимся над ней похитителем с чулком на голове. Где она? Жива ли она еще? А вдруг ее тоже заточили в какой-нибудь пропасти? И мучат там? Я подумал о жене, о ее беде. У меня словно помутился рассудок, все было как в тумане. Я повернулся к Фариду. На его счастье, дорогу мне преградил Мишель. Я угрожающе ткнул пальцем в сторону Фариды:

- Говори, кто завернут в одеяло? И почему там пила? Что ты сделал с моей дочерью?

- Да ничего я не делал. Ты полный псих!

Вне себя, я обернулся и выхватил из рук Мишеля его снимок. Там был изображен какой-то магазинчик, судя по всему, лавка бижутерии. Из него выходили мужчина и женщина. Мужчина по комплекции напоминал Мишеля. Высокий черноглазый брюнет с угловатым лицом. На обратной стороне была та же надпись, что и на моем фото: «Угадай, что я с ней сделал». Мишель стоял прямо, все еще сжимая кулаки. Вдруг он одним прыжком перепрыгнул линию, поднял с земли револьвер, вложил пулю в барабан, подбежал к трупу и навел на него дуло. Осечка, еще осечка... Барабан поворачивался вхолостую. Фарид подскочил

и придавил ему руку к земле:

– Прекрати! Остановись! Последнюю пулю потратишь!

Пальцы Мишеля разжались и выпустили оружие, а сам он так и замер на четвереньках, неподвижный и задыхающийся. Быстрым движением Фарид схватил револьвер и поднялся. Не выпуская оружия из рук, он пристально на меня уставился. Я с вызовом выдержал его взгляд:

– Ну что, хочешь выстрелить?

Он помотал головой, открыл барабан, достал пулю и положил ее в карман:

– Успокойся, приятель, ладно? Я знаю, что это тяжело. Но это для всех тяжело.

Он отправил револьвер в задний карман брюк и, поморщившись, снова подул на руки. Мишель наконец вошел в круг света, подошел ко мне, опустился на колени и одну за другой выложил на землю все три фотографии. Мне показалось, что из-под маски он пристально меня разглядывает.

– Это ваша дочь? – спросил он.

Я, стиснув зубы, молча кивнул. Фарид тоже подошел. Мишель указал на свою фотографию и принялся объяснять:

– Это я и моя жена Эмили...

Я никогда не видел этих людей и не был с ними знаком. Фарид придвинулся еще ближе, но никакой реакции не выказал. Мишель указал пальцем на женщину:

– Она хотела сделать мне подарок ко дню рождения заранее. Вот всегда так, не могла дождаться. Подарила мне украшение: золотую букву «С» с двумя аметистами на концах. «С» – значит Седрик, так звали нашего единственного сына. Он... он умер три года назад. Проклятая болезнь...

Наступившее молчание больно ранило всех нас.

- Это украшение было сделано специально по ее заказу. И припоминаю... на обратной стороне был номер... очень мелкие цифры...

Сердце у меня забилось.

- Цифры? Ну-ка, ну-ка... Шесть цифр, как на замке ящика?

- Вполне возможно. Но не смогу сказать, что это были за цифры. Я тогда не придал этому значения.

Я стиснул зубы:

- Наверное, потому наш палач и забрал у вас часы.

Он поднял руки к маске:

- Это были не часы, а серьга.

Фарид снова заметался взад-вперед, что-то бормоча и время от времени пиная труп. А я разглядывал проклятущую маску Мишеля. Ушей не было видно за металлическим корпусом. Мишель повернулся к мертвецу и указал на него пальцем:

- Может, он использовал номер на серьге для кодового замка ящика. Наверное, следил за нами, за женой и за мной. Но я не понимаю, зачем ему это было надо, с какой стати он вовлек нас в свою игру. Не вижу в этом смысла.

Он схватил меня за воротник:

- Что он сделал с моей женой?

Потом сполз вниз, оперся руками о землю, посмотрел на третье фото, с открытым багажником, и повернулся к Фариду:

- Теперь ты говори, твоя очередь.

Фарид, словно защищаясь, захрустел пальцами:

– Ну да, знаю я этот пикап, и что с того? Это пикап моего брата, и он каждый месяц его разбивает в пух и прах. И пила тоже его, он ею пилит дрова. Мой брат живет в деревне. А эта штука в синей тряпке, наверное, какая-нибудь дичь, может, кабан. Мой брат охотник.

– На кабана не похоже, больше напоминает человеческое тело.

– Ты так говоришь, потому что тебе хочется, чтобы это обязательно было человеческое тело... Почему этот снимок предназначался мне, я понятия не имею. Ну, ты доволен? Добился чего-нибудь?

– Охотник, говоришь? – не унимался я. – А где он охотится? И на кого?

– Не знаю. Отстань.

– Врешь. Я ведь вижу, что врешь.

Фарид постучал по виску:

– А мне плевать, веришь ты мне или нет.

– Я заметил, с каким интересом ты осматривал труп, когда Мишель его притащил. Ты словно ожидал чего-нибудь подобного...

– А ты что, без интереса смотрел? Это ведь нормально... Или нет? Первое, что...

Тут вмешался поднявшийся с колен Мишель:

– Хватит! Вы же видите, что от ругани толку никакого! Если мы хотим отсюда выбраться, придется говорить правду. Неужели это так сложно?

– В таком случае давайте говорить правду, – сказал Фарид, сверля меня взглядом. – Похоже, тот, кто с нами проделал эту штуку, прекрасно знает всех троих. И судя по фотографиям, он напал и на членов наших семей: на моего

брата, на твою дочь и на жену Мишеля... Ты альпинист, единственный из нас, кто знаком со всем этим барахлом, ну, с палатками и прочим... И мне вот кажется, что это ты во всем виноват. Может, ты причинил кому-нибудь зло? Ну, если начистоту, какая у тебя жизнь?

– Да ничего особенного в моей жизни нет. Уже восемнадцать лет я женат на Франсуазе. И все это время она работала в больнице в Аннеси. У меня спокойная, крепкая семья, вся жизнь как на ладони, и я никому не делал зла. Я и сам без конца себя спрашиваю: что за псих все это устроил? А ты как думаешь?

Мишель ушел, прижимая к себе фотографию. Его силуэт быстро исчез в темноте. Послышался звук рывком застегнутой молнии, а потом всхлипывания. Он плакал.

Фарид бросился за ним, но я его удержал за рукав куртки:

– Оставь его в покое. Я думаю, ему надо побыть одному.

Парень покрепче затянул завязки капюшона.

– Ты прав. И не только ему, все нам.

Мы помолчали.

– А ты не ошибся, я действительно не умею читать. У меня такая штука, называется алексия. Какая-то извилина в мозгу повернута не в ту сторону. У меня это врожденное. Все равно что иметь голубые глаза, будучи арабом. Ничего не поделаешь. Когда ты и так чужак, да еще имеешь такую хворь, трудно пристроиться в жизни, знаешь? Ну что, теперь доволен?

И он отошел туда, где начиналась его цепь. А я остался возле фонаря, освещавшего нашу неприветливую территорию. Я не знал, что с нами будет, не знал, до каких пределов нас доведут, но точно знал, что выживу. И буду жить столько, сколько позволит мой организм. Я найду того, кто угрожает нашим семьям и играет нашими жизнями. Я хочу понять.

Свернув в трубочку фото, я сунул его в карман и поискал глазами Пока. Так я и думал... Он кружил вокруг трупа, обнюхивая его. Я бросился к псу и схватил его

за холку. Он рыкнул и принялся вырываться. У него и раньше бывали такие проявления агрессии. Крепко его удерживая, я посмотрел ему прямо в глаза. И Пок вдруг снова превратился в милого плюшевого мишку. Он ласково лизнул меня в лицо, и такая нежность была очень приятна.

Но я кое-что заметил в его взгляде. И от этого холодного блеска мне стало страшно.

Уходя, я в последний раз обернулся и с сомнением посмотрел на массу мертвой плоти. Сбросить труп в пропасть или закопать возле ледника? Или, как Фарид, бить его ногами за все ужасы, которые он заставляет нас пережить?

Пок явно не задавал себе лишних вопросов. Но я не сомневался, что через пару дней в нем проснутся охотничьи инстинкты и он начнет поедать труп.

11

Еще задолго до того, как в волчонке забрезжило сознание, он то и дело подползал к выходу из пещеры. Сестры и братья не отставали от него. И в эту пору их жизни никто из них не забирался в темные углы у задней стены. Свет привлекал их к себе, как будто они были растениями; химический процесс, называемый жизнью, требовал света; свет был необходимым условием их существования, и крохотные щенячьи тельца тянулись к нему, точно усики виноградной лозы, не размышляя, повинуюсь только инстинкту.[10 - Перевод Н. Волжиной.]

Джек Лондон. Белый Клык (1906), одна из любимых книг Жонатана Тувье

Первый раз мне хотелось умереть, когда Макс Бек, мой лучший друг, сорвался и погиб в горах. Потом – два года назад, когда у Франсуазы обнаружилась лейкемия. Я считал, что, несмотря на то, чем она для меня была и сколько счастья мне принесла, жизнь моя все-таки являла собой череду катастроф. Джек Лондон утверждает, что самые прекрасные истории всегда начинаются с катастроф, но я глубоко убежден, что и самые скверные тоже.

На этот раз мы все попали в мастерски подстроенную катастрофу. Мы втроем расположились в палатке, среди скудного скарба, которым располагали. Два крупных апельсина переполнял сок, я был в этом уверен. Взяв один, я с видом ценителя погладил его. Меня так и подмывало нарисовать на нем глаза, нос и рот, чтобы он мне улыбался, вот только ручки не было.

В нашем логове все молчали и никто не испытывал желания заговорить. Ткань палатки колебалась, словно чьи-то невидимые руки гладили ее. Из-под маски Мишель наблюдал за шедшими по палатке волнами.

Снаружи, в темноте, запела пропасть. Она звучала, как церковный орган, и это было страшно. Ей подпевали наши пустые животы. Наверное, в эту минуту каждый осознал, что нас действительно могут не найти.

И тут в углу палатки я уловил какое-то движение. Заинтригованный, я улегся перпендикулярно своим компаньонам и соорудил заслон из стакана. В ловушку попался паук, настоящий паук, и я быстро накрыл его сверху. Он был черно-коричневый, с желтоватой полоской на брюшке и с изысканно тонкими лапками. Меня поразило, что здесь существует жизнь, кто-то выживает за счет невероятного феномена приспособляемости.

– Шикарная закуска, – вяло подал голос Фарид, который растянулся, опершись на локти.

– Это хороший знак. Может быть, есть и другая живность, где-то прячутся насекомые или кто покрупнее. Значит, будет у нас пропитание.

– Скажешь тоже. Тут нет ничего, кроме скал.

Я задвинул прозрачный стаканчик в угол.

– Во всяком случае, этот паучок существует. Я бы его назвал Желанный Гость. Когда мы отсюда выберемся, возьмем его с собой. Надо во что бы то ни стало сохранить ему жизнь, согласны? Он будет нашим талисманом. Пока он жив, живы и мы.

Я долго разглядывал паука. Мишель, Фарид, Пок, я и теперь еще Желанный Гость. Наше подземное семейство увеличилось, и мы все такие разные... Фарид, загадочный араб с глазами цвета океанской волны, Мишель, гигант с печальным сердцем, Желанный Гость, маленькое таинственное существо, старый битый Пок, ну и я до кучи...

Я сидел не шевелясь, отстранившись от всех. Мне доводилось бывать в местах самых негостеприимных, куда меня посылал «Внешний мир», в ситуациях, когда все происходит очень быстро. Я видел, как парни, здоровенные как быки, умирали от сильного кашля минут за пять. А другие бредили, истекали кровью, хлынувшей из носа, хотя за четверть часа до того спокойно и с наслаждением слушали радио, наконец поймав волну. Погибнуть может любой. Не важно когда, не важно как. Быстро или в долгих мучениях.

Я рассеянно оценивал наш примитивный инвентарь, включая скудный запас пищи. В нормальную погоду мы могли бы продержаться дней двадцать, даже тридцать без еды, если бы правильно пили. Но в таком холоде и сырости все сроки сокращаются раз в пять. Мы очень быстро ослабнем, и тогда...

Я взял кастрюлю и поднялся с земли:

– Кто-нибудь со мной пойдет? Я иду наколоть льда.

Фарид вставил сигарету в уже начавшие трескаться губы.

– Оставь тут свет, ладно?

– Если положить каску между палаткой и ледником, света всем хватит. И не кури, пожалуйста, в палатке.

– Не курить в палатке? Но здесь так хорошо. Или ты видел на ней вывеску «Ресторан»?

Он прикурил и глубоко затянулся. Это уже третья или четвертая сигарета. Пальцы у него сильно дрожали. Он очень замерз и неестественно часто моргал. Дефицит визуальных ориентиров, темнота, сырость...

– Я останусь здесь. Неохота мне ничего колоть. Можно сказать, я сдался, признал свое поражение.

– Если ничего не делать – точно сдашься.

Тут вмешался Мишель:

– Прошу прощения, но... по-моему, не надо ничего делать, надо дождаться, пока нас не найдут.

Он положил свою фотографию рядом с моей. Фарид спросил сквозь облако дыма:

– Может, заберешь с собой своего пса?

Выйдя в сопровождении Пока, я положил каску с баллоном метрах в пяти-шести от палатки и повернул рефлектором вверх. Я шел к леднику, а из нашего убежища до меня долетали человеческие голоса. Скорее, не голоса, а какой-то шепот. Я подозревал, что они говорили обо мне и задавали друг другу те же вопросы, какие задавал себе я.

Теперь я ориентировался на громадную ледяную волну, которая отливала синевой, напоминая, что где-то еще существует цвет. Я терпеть не могу ледников: они время от времени выплевывают тела незадачливых альпинистов, угодивших в трещины, и свидетельствуют о том, что природа убийственна для людей.

Ударяя по леднику цепью, мне удалось наколоть довольно чистого льда. Никогда бы не подумал, что придется снова вот так врубаться в лед или снег. Эта пропасть, несомненно, одно из самых враждебных человеку мест, однако здесь имелось то, что жизненно необходимо: вода. Я не раз видел, как обезвоживание разрушает человеческий организм. Можно обойтись без всего, но без воды – никогда.

Разбив лед на маленькие кусочки, я сложил его в кастрюлю и снова принялся колоть, стараясь не очень намочить рукавицы. Даже если их согреть над огнем, они уже никогда не высохнут, а мокрые потом все равно замерзнут.

У меня ушло примерно четверть часа отчаянной работы, чтобы наколоть приблизительно литра два льда. От одежды шел пар, усилие поглотило весь мой запас калорий и перевело в тепло. Когда перемещаешься или работаешь, это быстро съедает драгоценную энергию. Без пищи мы все трое рискуем высохнуть, как брошенные на солнце тыквы.

А потом любоваться, как наши кости начнут протыкать кожу.

12

Есть люди, которых испытания заставляют встряхнуться и которым трудности служат трамплином.

Марсель Блештейн-Бланше, президент фонда «Призвание»

Вон она, палатка, она меня поджидает. Красная, как кровь. Цвет ничего не значит, внутри так же холодно, как и снаружи. Но эта палатка – экран, ограничивающий поле зрения, она отгораживает от враждебной действительности и помогает о ней забыть, она в простоте своей напоминает о тепле домашнего очага. Я был уже на полпути к ней, когда услышал звуки, которые в этом месте казались абсолютно невозможными: птичье пение. В воздухе рассыпались пронзительные радостные трели. И тут я вспомнил: проигрыватель и пластинка «Птицы вашего сада, 24 мелодии». Нам в эту дыру подсунули нечто невероятное, чтобы не забывали, что птицы могут улететь, а нам деваться некуда. Евреи, узники Освенцима, тоже работали под музыку...

И тогда я сказал себе, что есть гораздо худшая участь, чем умереть здесь, – это здесь жить.

Вдруг меня буквально парализовал какой-то грохот. Я выронил кастрюлю и, согнувшись, закрыл голову руками. Мне показалось, что горы обрушились на меня. Скорчившись, я упал на колени, и тут все прекратилось так же неожиданно, как и началось. Дрожа всем телом, я поднялся. Двое других узников выскочили из палатки. Покхара забился мне под ноги, поджав хвост. Араб был на грани обморока:

– Что это было? Что за бред?

Мишель стоял позади Фариды, и его металлическая башка вертелась, как флюгер. Со всех сторон еще слышался грохот. Сверху сыпались и разбивались сталактиты, и осколки их улетали в пропасть.

Я с трудом пришел в себя. Это было похоже на детонацию, на...

– Обвал... И камни, и лед... Эта пропасть – живая, и наш визит ее явно не радует.

– Живая пропасть? Что за чушь ты несешь?

Я поднял на три четверти опустевшую кастрюлю. Рассыпанный лед стал грязным. А в ушах все звенело птичье пение: «Свобода, свобода, кто на этот раз угодил в клетку?» Мне вдруг захотелось послать все к чертям и расшибить этот гребаный проигрыватель. Оглядевшись вокруг в последний раз, я твердым шагом направился к леднику:

– Надо все начинать сначала. Сидите в палатке.

– Неужели ты думаешь, случись что, палатка нас сможет защитить? Ты же сам все слышал не хуже меня, это пострашнее землетрясения. Сталактиты от нас мокрого места не оставят.

– Да вырубите вы эту чертову пластинку!

И я снова принялся за свою нудную работу. Откалывая кусочки льда, я волей-неволей оценивал размеры упавших сталактитов. Пропасть – живая... А вдруг и вправду живая? Что, если все вокруг – это глотка какого-нибудь монстра? Капли – это слюна, сталактиты – небо, а колодец – пасть? Я стиснул зубы и огляделся. Нескончаемые чернильно-черные стены... Тени, шевелящиеся от света лампы... И мне вдруг представилось, что нас безмолвно изучает множество чьих-то глаз.

Ну вот и снова наше «птичье гнездо». Вход в скромное жилище уже почернел от натоптанной грязи. Без дисциплины, без гигиены это место быстро станет непригодным для жилья, зато любой инфекции тут будет раздолье. Надо срочно установить жесткие правила. Как бы надолго мы здесь ни застряли, необходимо

сохранять человеческое достоинство. Я аккуратно расставил четыре из пяти заряженных баллончиков с пропаном вдоль стенки палатки, а пятый положил между Мишелем и Фаридом. Соединяя его трубкой из нержавеющей стали с горелкой, я тотчас же вспомнил все необходимые движения. Мишель и Фарид, каждый на своей пенке, высунулись из спальников, и я пронес горелку у них над самыми плечами. Потом резким движением снял пластинку с проигрывателя.

- Эй, парень, ты зачем это сделал?

- Давайте не будем пока расходовать батарейки проигрывателя.

- А на кой черт тебе сдались батарейки? Ты что, ожерелье хочешь из них сделать? Ты тут главный, что ли?

- Кто-то же должен быть...

Взяв зажигалку, я принялся возиться с горелкой. Поначалу она оказывала молчаливое сопротивление, но после многих попыток наконец ожила. Голубоватое пламя разгорелось со смачным «пых!». Для меня это «пых!» – все равно что для Пруста его «мадленки»: неиссякаемый источник воспоминаний о двенадцати годах альпинизма, о выпусках «Внешнего мира» на дне рюкзака.

Фарид и Мишель вытянулись на своих корематах и подставили лицо жару горящего газа. Теплая волна прошла у меня вдоль позвоночника, и это было очень приятно. Я поставил кастрюлю на огонь. Мишель стянул рукавицы, и его восемь пальцев затанцевали над огнем. А у Фариды фаланги пальцев совсем не гнулись и опасно побелели. Ногти в основании были темно-фиолетового оттенка. Я ему объяснил, что он должен каждый день массировать руки и ноги, чтобы обеспечить кровоток. Он, как всегда, злился и жаловался, что у него нет перчаток. Я решил, что отдам ему свои, но не сейчас. Они пока мокрые.

- Ох, до чего же хорошо...

Мишель увеличил подачу газа, и я не противился: не хотелось портить удовольствие. Но надо будет следить, чтобы излишне не расходовать наши запасы. Запахло теплой водой, тут все имеет свой запах. Я положил рукавицы возле баллончика. Дома мама всегда использовала тепло печки, чтобы просушить влажные полотенца, мокрое белье, а заодно и прогреть кухню.

Я долго и грустно смотрел на фотографию дочери, а в кастрюле тем временем начал с благодушным ворчанием плавиться лед. Облачка пара от нашего дыхания перемешались, и каждый мог теперь любоваться на органическую эманацию соседа: его легких, желудка, внутренностей. Кончиком ножа я соскребу в воду кусочек цедры с апельсина, и наше питье заблагоухало. Собраться вокруг огня, как бы скудно он ни горел, – язык универсальный, переводчик тут не нужен. И в этот момент мы все трое были в полном единении.

Вдруг на пенку сверху упала капля. Мы подняли глаза. Вся внутренняя поверхность палатки сверкала влагой.

– Ах ты, черт, я совсем забыл. Это от тепла. Здесь влажность приближается к ста процентам. От пламени поднимается теплый воздух, а снаружи холодно, вот на стенках и появляется роса. Если промокнет одежда и спальники, нам конец.

В палатке снова возникло напряжение.

Я был вынужден убавить газ:

– Так нельзя. Еще несколько минут – и я выключу горелку. В следующий раз греем воду снаружи. Мне жаль, но так надо.

Фарид вздохнул и протянул руки поближе к огню.

– Это неправильно... Единственный приятный момент за все время...

– Знаю. Поскольку нам здесь не до пиршеств, каждый из нас должен выпивать не меньше четырех литров воды в день, чтобы компенсировать отсутствие пищи, справляться с сыростью, обеспечить работу почек и остаться в живых. К тому же это позволит наполнить желудки. Для этого нам нужно ежедневно добывать по двенадцать литров льда, на что уходит около двух часов работы. Я рассчитываю, что вы мне поможете.

– Двенадцать литров?

– Да, двенадцать литров. И еще одно правило: входя в палатку, каждый обязан снимать обувь. Это вопрос гигиены.

Фарид покусывал пальцы.

- Ты так говоришь, словно мы тут останемся надолго.

- А у нас нет выбора. Да, и еще одно: надо обсудить, что делать с трупом. Ну... придется что-то предпринять...

Я вопросительно взглянул на Мишеля. Он нервно размахивал перед собой руками:

- Камни...

Он говорил все тише. После того как много и громко он вопил, я сомневался, что его связки быстро придут в норму, особенно в здешнем разреженном воздухе. Фарид снял ботинки и, морщась, растирал ноги.

- Что, камни?

- Камни, которыми завален вход в пещеру, где я нашел мертвеца. Я постараюсь их оттуда убрать. С некоторыми ничего не сделаешь, но и мелких полно. Достаточно проделать дыру, и я уверен, что отсюда можно будет выбраться. Потому что оползень не был природным. - Он ткнул большим пальцем себе за спину. - Это он все устроил, чтобы нас тут замуровать. Но если это его рук дело, то он пришел с той стороны. И за завалом свобода. Наши жены нас ждут, я знаю.

Питье передо мной источало запах апельсина, старая кастрюля булькала, и под медным доньшком шипело пламя. Взяв кастрюлю перчаткой, я налил питье в стаканы и протянул собратьям по плену. Фарид, не говоря ни слова, посмотрел на меня и поднес стакан к губам. Я увидел, как он зажмурился от удовольствия, почувствовав тепло. Настоящая сауна, несколько мгновений счастья, которые, однако, быстро кончились. Мишель выпил свой чай залпом, поднялся и нахлобучил каску с баллончиком:

- Мне обязательно надо чем-то себя занять, а то есть хочется. Пойду в галерею.

Я протянул ему фотоаппарат:

- Сделайте снимки завала, чтобы было видно, какой он.

- Нет, это будет чистая бесхозяйственность. Остался всего один кадр.

- Ну и что?

- Я не стану снимать, понятно?

Впервые за все время он злобно повысил голос, и это меня удивило. Я раздосадованно отложил фотоаппарат в сторону. Почему он заупрямился? Что же там такое, в галерее?

- Иди, только без фонаря, - сказал Фарид.

Мишель схватил каску и баллончик:

- Это не обсуждается. Для освещения у вас есть горелка. Достаточно поставить ее перед палаткой, чтобы не капало, повернуть и...

Я взял у него стакан и снова налил чай, не прекращая разговора:

- И что? Дождаться, пока баллончик опустеет? Газ надо использовать, только чтобы топить лед и умываться.

- Есть же еще четыре заряженных баллона.

- Они потом смогут спасти нам жизнь.

- Не спасти, а продлить... Продлить жизнь. А зачем ее продлевать? Чтобы потом, в конце, все равно умереть? Послушайте... То, что я скажу, может, вас шокирует, но вы знаете, что я работаю на бойне. И мой отец работал на бойне, и мой дед, и еще родня. Все Маркизы занимаются мясом, у них это передается из поколения в поколение. Они думают о мясе, едят мясо и видят его во сне...

Мне показалось, что у Фариды потекли слюнки. И у меня к горлу подкатила горечь.

– ...Так вот, когда я осознал, что жратвы нет, а мы находимся в гигантском природном холодильнике и у нас имеется тело, такое же объемистое и тяжелое, как мое, меня посетила невообразимая мысль. Очень ненадолго, но посетила. И в глубине души это меня позабавило.

У выхода из палатки, где устроился Покхара, Мишель обернулся к нам:

– Когда годами разделяешь туши, то начинаешь задавать себе любопытные вопросы обо всем на свете. И в особенности о человеческой природе.

Мишель ткнул в меня своей здоровенной клешней в нейлоновой рукавице:

– Вы альпинист, вы закаленный, вы можете долго продержаться без еды. А я не могу. Я очень хочу есть, вы видели, какой я комплекции? А потому сидите тут и шкрябайте свой апельсин. А я пойду камни разбирать. И он ушел.

Мы с Фаридом молча переглянулись. Мы все поняли. Услышав слова Мишеля, я тотчас подумал о команде регбистов «Old Cristians of Uruguay». Их самолет разбился в центре горной цепи в Андах.

Чтобы выжить, они поедали погибших.

13

Единственный способ избавиться от искушения – поддаться ему.[11 - Перевод В. Чухно.]

Оскар Уайльд

Я вынес горелку наружу, чтобы у нас было хоть немного света. А подсохшие рукавицы предложил Фариду:

– Возьми... У тебя руки совсем заледенели.

- Не надо. Не переживай.

- Ну что ты упрямишься? Здесь тебе нет нужды прятаться в раковину.

- Оставь меня в покое, я сказал. Терпеть не могу, когда кто-то меня жалеет.

Я бросил рукавицы ему на колени:

- Ты сам не заметишь, как отморозишь пальцы. Сейчас как раз подходящая температура. А после отморожения быстро развивается гангрена. В большинстве случаев, когда это замечают, уже нужна ампутация.

Он вытаращил глаза, но все-таки послушался. А я принялся задумчиво разглядывать собственные руки и улыбнулся про себя, вспомнив, как совсем недавно порезал мизинец. И тут же подумал о моей Франсуазе и так явственно и громко услышал ее смех, что засверлило в барабанной перепонке. Возле горелки развалился Пок.

- На, пей, мой собакин...

Пес сунул свой длинный розовый язык в стакан с теплой водой и половину разлил. Подошел Фарид:

- Вот Мишель разорется, когда узнает, что пес пил из его стакана.

- Я свою собаку никогда не брошу. Она мне дороже, чем некоторые люди. Я должен возратить ее дочери: они выросли вместе. Ну, вот ты мог бы позволить кому-нибудь умереть рядом с тобой?

Фарид глубоко вздохнул. И я вдруг различил в его дыхании какой-то свист. Нормальные легкие так не дышат. Ладно, пока будем надеяться, что все дело в сигарете. Он спросил уже совсем другим тоном, гораздо мягче:

- У вас ведь что-то произошло, правда? У тебя все руки в шрамах. Я такое уже видел. Это укусы... Он тебя покусал?

– Покхара – пес необыкновенный. Когда он был щенком, я с ним намучился, а потом он вдруг стал невероятно добрым. Его можно было, не боясь, оставить с любым ребенком, и вся детвора нашего квартала с ним возилась. А четыре года назад с ним случилась беда.

Фарид зашел в палатку и вернулся с сигаретой в зубах.

– Что за беда?

– Однажды ночью мы с женой спокойно спали наверху. Клэр, наша дочь, ночевала у подруги. В дом забрались воры и сильно избили собаку железным прутом. Чуть не убили.

Фарид застыл на месте и как-то странно повел головой. Я наблюдал за ним, нахмурившись:

– Фарид, что это с тобой?

Он посмотрел на меня:

– Да нет, ничего.

– Уверен?

– Я же сказал!

Он врал, и я был в этом убежден. Рассказ про собаку его явно задел за живое. Он нервно повертел в пальцах окурочек и вдруг спросил:

– А ты-то сам где был, когда избивали собаку?

– Ты что, как-то причастен к тому избиению?

– Причастен? Да за кого ты меня держишь?

Я не стал нарушать молчания и посмотрел ему в глаза. Кто он, этот парень? Что он скрывает? Может, он был среди тех, кто в ту ночь забрался в мой дом? Их не поймали, и никто до сих пор не знает, кто они такие и зачем это сделали. Тогда ни в одном из соседних домов не появлялись никакие грабители. Я был единственной мишенью.

– Где ты был, когда избивали твою собаку? – повторил он.

Я ему ответил, но он заронил во мне серьезные сомнения. Ведь он рассказывал, что живет на севере. Что же привело его четыре года назад в Аннеси?

– Я заперся в спальне вместе с женой и вызвал полицию. Решил, что... К чему рисковать шкурой? Неизвестно, на что способны те, кто ворвался в дом. Умирать не хотелось. По крайней мере, от их рук.

Фарид пожал плечами и отвернулся, глядя в темноту. Я искал способ его подловить и заставить сознаться, но ничего не получалось. Пришлось продолжить объяснения:

– В ту ночь эти мерзавцы сбежали, так ничего и не взяв. Когда я спустился, то сразу понял, какая беда случилась. Они сломали Поку челюсть, несколько ребер и повредили ухо. Левым ухом он ничего не слышит.

Фарид осторожно приподнял больное ухо Пока:

– В таком случае его следовало бы назвать Одноухим...

Я нахмурился:

– Одноухим... Ты же не можешь читать, откуда же ты знаешь Джека Лондона?

– Не уметь читать еще не значит не слушать и никогда не быть ребенком.

Стоп, уж не становлюсь ли я параноиком? Мне не хотелось подозревать Фариду только потому, что он араб. Да, отец у меня был расистом и гомофобом, но я же не такой. Пок лежал спокойно и не огрызнулся, а потом принялся покусывать Фариду за рукав куртки.

– Хороший знак, – сказал я с улыбкой. – Он тебя признал.

Фарид быстро отдернул руку:

– А я не хочу, чтобы он меня признавал.

Я наклонился к Поку, а тот завалился на спину и поднял все четыре лапы, чтобы ему чесали брюхо. Фарид поддался искушению и ласково его погладил. Этот парень умел чувствовать, но меня не покидало ощущение, что он скрывает от меня что-то очень важное. Может, он и есть пресловутый врун? А может, вор? Как ни в чем не бывало я продолжил:

– Его прооперировали, но выздоравливал он очень долго. Когда я к нему подходил, он рычал. Он больше не узнавал меня. Мне советовали его усыпить, потому что он уже никогда не будет прежним псом. Он станет...

Мне стало трудно говорить от нахлынувшего волнения. Такой вариант событий, что Пок отойдет в мир иной, я уже просчитывал, и для меня это было бы равносильно ампутации.

– Станет диким?

Я показал ему руку с огромным шрамом в форме подковы. Были и другие, поменьше, на запястьях и у основания большого пальца. Не сводя ласкового взгляда с Пока, Фарид поглаживал подбородок.

– И как же ты его спас?

– Я его увез в бывший командный пункт вермахта, в заброшенный трехэтажный пакгауз из армированного бетона, это строение принадлежало моему приятелю. Это в Лотарингии, недалеко от базы военных истребителей. И там мы провели вдвоем трое суток, вместе ели, дрались... И наконец снова обрели друг друга.

Фарид прикурил сигарету от пламени горелки.

– Вы с ним очень тесно связаны, вот почему наш палач не разлучил вас. Он знал, что без Пока ты будешь не ты, а половина тебя. А ему ты был нужен целиком. Я уверен, что ключ к разгадке нашего заточения кроется в тебе.

– А почему не в тебе? Он, похоже, все про нас знает. Вплоть до твоей любимой марки сигарет.

Фарид молчал, а я кивнул подбородком в сторону сигаретной пачки:

– Я тоже курил «Голуаз», в армии. Хоть в этом у нас что-то общее. В этом, да еще в цвете глаз.

– Я давно собирался бросить. А тут у меня не будет выбора. Пустая пачка – она и есть пустая пачка.

– Дашь мне сигарету?

Он заколебался:

– А ты мне что дашь взамен?

– Не знаю... Может, чуть-чуть дружбы?

Он усмехнулся и протянул мне зажженную сигарету. От первой затяжки я закашлялся:

– Ладно, не помру.

С сигаретой в зубах, я забрал стакан и сполоснул его водой из кастрюли.

– Из этого стакана будем пить мы с Поком. А ты дели свой с Мишелем.

Я поднес стакан к скале, процарапал на нем бороздку и спросил:

– Как думаешь, у Мишеля что-нибудь получится?

– Если честно, сомневаюсь. Он вроде бы не производит впечатления умника.

– Но сила в нем есть. Мне кажется, что, кроме него нас некому отсюда вызволить. Приходится ему доверять.

В темноте плясал красный огонек сигареты. Я глубоко затянулся, и тепло горящего табака согрело меня. Потянулись ужасающе долгие минуты. Наполовину выкуренную сигарету я осторожно положил в угол палатки. Надо будет соорудить что-то вроде урны, не хочется здесь мусорить. Потом я принялся расспрашивать Фариду о его жизни, о семье... Занятный он парень. Мне удалось его разговорить, но только чуть-чуть, и я не нашел в его словах ничего, что могло бы хоть как-то помочь понять ситуацию. Он с севера, дед с бабушкой эмигранты, нанялись работать на шахту, проблемы с деньгами, безработица, ну и так далее... Станным, каким-то остановившимся взглядом Фарид осмотрелся вокруг:

– Очень хочется есть. Что же с нами здесь будет?

Пок положил морду мне на колени. Снизу, из пропасти, послышался жалобный вздох. Фарид сел, подтянув колени к груди.

– Не знаю, Фарид, я ничего не знаю. Но в горах я усвоил одну вещь: искушение может убить. А потому в наших интересах как можно скорее выбросить мертвеца в эту треклятую пропасть. Она воет, потому что, так же как мы, требует того, что ей причитается...

14

Нет сомнения, что к концу второго или третьего дня ожидания ты начнешь воображать себе разное. В основном вещи невеселые. Так всегда бывает, когда нарушается равновесие между нормальным и ненормальным положением вещей. Но особенно не беспокойся. Я знаю, что делаю, и, если что-нибудь случится, ты все равно ничем не сможешь мне помочь.

Джо Пинелли. Интервью Жонатану Тувье для специального выпуска «Внешнего мира», Пакистан, Каракорам, базовый лагерь экспедиции на Броуд Пик (8057 м), 1984

Ожидая возвращения Мишеля, мы с Фаридом пытались открыть ящик, подбирая разные комбинации чисел. Набирали все, что приходило в голову: даты рождений, свадеб, смертей... Ни одна из комбинаций не подходила, тогда мы подсчитали. Чтобы проверить все возможные сочетания цифр, нам потребуется около миллиона секунд, одиннадцать дней круглосуточной непрерывной работы.

Одиннадцать дней, сменяя друг друга, сходить с ума от этого занятия, стирать кожу на пальцах и портить себе глаза цифрами на крошечных колесиках. Идея интересная, но я не мог себе представить, как буду, согнувшись, целую неделю корпеть над замком, с пустым, как расколотый кокосовый орех, желудком...

А если ключи к этому замку лежат в ящике?

А если в ящике нет ничего, кроме свинцового шарика? А если под маской у Мишеля нет никакого взрывного устройства?

А если... А если... А если...

Фарид решил начать с шести нулей и принялся за работу, намереваясь дойти до пяти тысяч. На ста двенадцати он остановился, у него посинели пальцы. Я принял смену, но тоже ненадолго: у меня воспалились и стали слезиться глаза. Несмотря на тепло от горелки, мне приходилось то и дело дышать на пальцы, чтобы их согреть. Бездна надежное дело, таким способом нам ничего не добиться.

Мы улеглись каждый на своей пенке, и я убавил огонь в горелке, поставив ее у самой палатки. Для мальчишки. Он лежал спиной ко мне, скорчившись в спальнике, полностью одетый, и что-то бормотал по-арабски, поминая Аллаха.

Наконец из галереи явился Мишель с ярко горящим фонарем на лбу. Я тут же погасил горелку. Гигант стянул рукавицы и оглядел свои руки. Потом взял одно из полотенец и уголком принялся прочищать неровности маски:

– Вот дьявол, трудно дышать. Я думаю, связки воспалились, когда я орал. И горло сильно болит.

Он положил рядом с собой камень с острыми краями и покрутил головой. Позвоночник и шея хрустнули. Потом он схватил кастрюлю с водой и один из стаканов. Я протянул руку:

– Не берите этот, он помечен, из него пили я и моя собака. Возьмите стакан Фариды.

Мишель другого стакана не взял и принялся жадно пить. Пришлось еще несколько раз сходить за льдом. Часть воды стекала по его металлическому подбородку. Потом он стянул ботинки и рухнул, как раненый солдат. Фарид приподнял свои густые брови:

– Тут что, Хиросима? А ты не мог бы убрать из палатки сапоги? И вместе с запахом, если можешь...

– Фарид прав. Повторяю: надо во что бы то ни стало оставлять обувь снаружи, иначе мы рискуем жить в нездоровой атмосфере.

Мишель не обратил никакого внимания на наши замечания и так смачно зевнул, что под маской у него хрустнули челюсти. Открыв бутылку водки, он налил себе полный стакан и залпом его осушил. Похоже, он не признавал никаких правил, в том числе и правила поделиться.

– Странно, но мне хочется спать. Как может хотеться спать в таких условиях? При всем, что с нами произошло? И он направился вглубь палатки, ко второму спальнику.

Я убрал бутылку и кастрюлю, которые он небрежно бросил посреди нашего жилища.

– Сейчас наверняка уже поздняя ночь. Я тоже устал. А отсутствие света и холод только усиливают усталость. Мы тут утратили представление о времени и можем рассчитывать только на свои биологические часы.

- Вы действительно думаете, что нам придется здесь спать?

- А вы как считаете? Ну, разве что вам удастся очень быстро пробить брешь в завале. И когда представится случай, надо будет найти способ избавить вас от взрывного устройства.

Я взял благоухающие ботинки Мишеля и выставил их наружу. Один из них опрокинулся, и тут вдруг обнаружилось, что в бороздке подошвы застряло апельсиновое зернышко. Я обернулся к нашим припасам. Оба апельсина лежали на месте. Мишель, казалось, что-то заметил:

- Что-нибудь не так?

Я поджал губы и отпихнул ботинок подальше:

- Все в порядке. Ну как там, в пещере?

- Как там? В каком смысле?

- Ну, ваша работа. Камни, которые вы хотели разбирать. Сказать по правде, здесь ничего не было слышно.

Маска повернулась в сторону ботинок. Прежде чем он ответил, последовало долгое молчание.

- Дело движется. Хотя узник, делающий подкоп ложкой, наверное, двигался быстрее. И загвоздка не в мелких камнях, а в толщине завала. Отвернешь камень поменьше - а за ним настоящий мастодонт. Но и этого мастодонта можно сдвинуть с места, если вытащить из-под него мелкие камни. Весь вопрос в равновесии и в силе рычага.

Он снял пуховик, наклонил голову и вытер затылок. Мне не хотелось сейчас говорить о налипшей на ботинок косточке, и я затронул конкретную тему:

- Советую снять одежду. По крайней мере куртку и пуловер. Так меньше вероятности подхватить какую-нибудь хворь. И спать без отсыревшей одежды

будет теплее. Поверьте мне. Фарид, и ты тоже. Сними хотя бы верх, разденься до пояса.

Оба молча повиновались. Фарид оказался худеньким, совершенно безволосым, с торчащими ребрами и слабой мускулатурой. Я ожидал увидеть татуировки, какие-нибудь знаки принадлежности к определенному клану, но ничего подобного не было. У меня явно сложилось ложное представление о том, что происходит в мире; со всеми этими историями о горящих предместьях, полицейских и жестоких нападениях на учителей. Болезнь Франсуазы окончательно оторвала меня от реальности. Юный араб и брюки тоже снял, высвободив левую ногу и спустив правую штанину до самой цепи. Он дрожал, как отбойный молоток. К нему подошел Мишель, в одной рубашке, от него даже на расстоянии несло козлом.

– Повернись-ка. Я должен посмотреть, нет ли на тебе передатчика или чего-нибудь такого...

Фарид сложил руки на цыплячьей груди. Носки он натянул до самых коленок. Мишель поднес к нему лампу и постепенно ее перемещал, словно изучая анатомию парня:

– Да нет, ничего. Два-три старых шрама... На войне, что ли, был?

Фарид нырнул в свой спальник.

– Да... п-пошел ты... – еле выговорил он, стуча зубами.

Мишель повернулся ко мне:

– А вы... Вы разденетесь, чтобы я взглянул?

У меня сжалось горло. После гибели Макса, моего напарника по связке, я боялся таких моментов и старался их избегать.

– Это бесполезно и ничего не даст. Все очень просто: передатчик наверняка находится в замках наших цепей.

- Вы уже во второй раз отказываетесь раздеться.
- Давайте спать. Завтра постараемся найти решения.
- Ага, решения...

Он улегся и завернулся в спальник. Железная маска стукнулась о землю. Наверное, в ней возникает жуткое ощущение, что голову сдавило и ты задыхаешься. И невозможно ни поскрести щеку, ни почесать нос, ни умыться.

- Я тут подумал, пока работал, - сказал он. - Завтра, то есть, я хотел сказать, позже, я оттащу труп в пещеру. Когда сюда придут полицейские, они найдут способ опознать его. Да я и сам хочу дознаться, кто он.

- Нет, - сразу же отозвался я. - Я против того, чтобы он тут вонял рядом с нашим жизненным пространством. В этой сырости тело быстро начнет разлагаться. Его раздует, он станет лопаться, и этим воздухом невозможно будет дышать.

- В таком случае я его засыплю льдом. Зачем его выбрасывать? Только потому, что так решили вы, большой начальник? Нет уж. Смерть - мое дело. И отныне никто к мертвецу не притронется, кроме меня. Скажем так, он принадлежит мне.

15

Несомненно, сталкиваясь с неистовыми силами природы, с ее наиболее мрачной стороной, альпинисты очищаются от того, что глубоко запрято в их душах, что ускользает от познания и понимания. Однако, к несчастью, очищение никогда не бывает полным, и надо все начинать сначала, раз за разом, всегда. А в результате становишься только еще несчастнее.

Личные заметки Жонатана Тувье (2001)

Меня все больше беспокоило постоянное обрушение подтаявших сталактитов. С того времени как мы здесь появились, оно участилось. Словно наше скромное

присутствие и те несколько ватт тепла, выделяемого нашими телами и горелкой, нарушили равновесие веками нараставшей массы. Мы здесь непрошеные гости.

Сидя у порога палатки, я без конца открывал и закрывал глаза. Ощущение времени пропало, я больше не знал, в каком ритме оно течет. Люди – существа, полностью зависящие от света. Мы живем вместе с восходом и закатом солнца. Но что делать, если оно исчезнет с неба? Я максимально убавил газ в фонаре и направил его в свою сторону. Подобрал и сунул в карман несколько окурков. Потом я процарапал на пенке Мишеля две вертикальные линии. Ведь вел же Робинзон Крузо календарь, делая зарубки на дереве. Он у себя на острове мог читать Библию, разводить овец и выращивать хлеб. У него было все, кроме общения с людьми. А здесь людей хватает, зато нет всего остального.

Робинзон назвал свой остров «Отчаяние», а я решил наречь нашу пропасть «Истиной».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Причиной многих ошибок и искажений являются холод и недостаток кислорода, из-за которых на этой высоте возможности мозга сокращаются на тридцать процентов. (Примеч. авт.)

2

Корематом туристы и альпинисты называют коврик из пенополиуретана, который подкладывают под спальный мешок. Есть еще название: пенка или пеночка. (Здесь и далее примеч. перев.)

3

Ушные термометры удобны, чтобы измерять температуру, не расстегивая и не снимая одежды – например, на высоте, на холоде. Они маленькие и умещаются в небольшой карман.

4

Чехословацкий влчак – помесь волка и собаки, порода, выведенная искусственно и вобравшая в себя характерные черты как волка, так и собаки. Влчак – собака одного хозяина, отличается верностью и к чужим относится с недоверием.

5

Камином в альпинизме называется узкий вертикальный лаз в скале. Камин проходится, чаще всего, в распор, и рюкзак приходится спускать или поднимать отдельно.

6

Перевод В. Наумовой.

7

Астромеханический робот-дроид из фантастической киносаги «Звездные войны».

8

Перевод К. Серафимова.

9

Здесь Д. Робертс цитирует высказывание шотландского альпиниста Дугэла Хэстона. Перевод С. Калмыкова.

10

Перевод Н. Волжиной.

11

Перевод В. Чухно.

Купити: <https://tellnovel.com/frank-tile/golovokruzhenie-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)